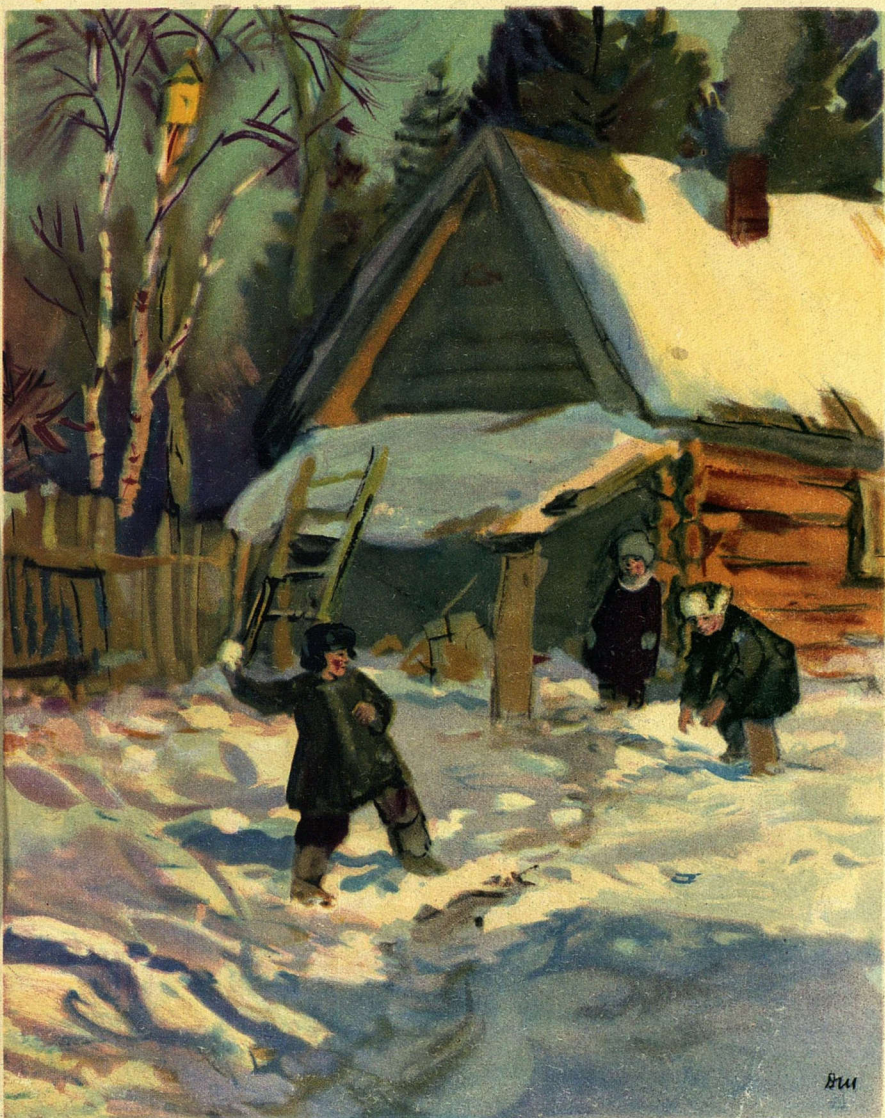


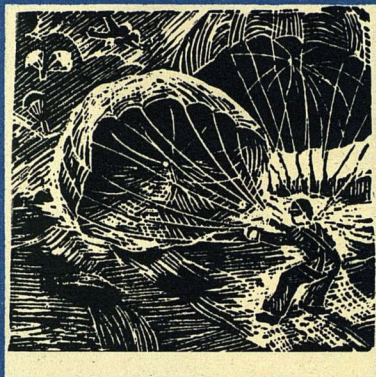
ПИОНЕР



ФЕВРАЛЬ

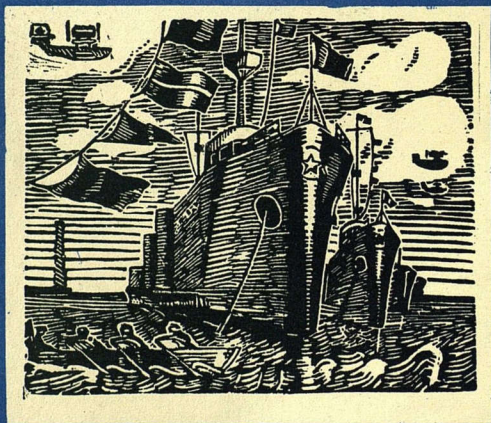
Издательство „Правда“ 1947 г.

2



Горячо любят ребята нашу славную Советскую Армию. Ей посвящают они свои стихи и рисунки. Здесь вы видите гравюры на линолеуме юных художников из студии Дворца культуры Автозавода имени Сталина.

Вверху гравюра Анатолия Ракова «На страже», рядом с ней «Парашютист» Виктора Иванова, внизу «Корабли» Валерия Семина.



ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ РОДНОЙ, НЕПОБЕДИМОЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ!



Иосиф Влссарионович СТАЛИН.

Художник Д. Налбандян.



Высокие башни Московского электрозавода обиты праздничными гирляндами разноцветных огней. Ещё темно. Запорошённые снегом часы показывают двадцать минут шестого. Из заводских ворот выходят после ночной смены группы рабочих. Это они 2 января первыми назвали своим кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР великого Сталина. И вот сегодня, 9 февраля, после работы электрозаводцы направляются прямо к избирательным участкам.

Из метро и трамваев выходит всё больше и больше людей. Здесь можно увидеть и рыбака с Каспия, и белорусского партизана, и золотоискателя с Кольмы. Полярника можно узнать по его унтам, кавказца — по длинной мохнатой бурке, казака — по яркому башлыку. Многие из них только что с поезда, и у них в руках чемоданы. Они то и дело останавливают кого-либо из москвичей и спрашивают:

- Где здесь голосуют за товарища Сталина?
- Идёмте... Нам по пути.

К шести часам утра у избирательных участков собрались массы людей. Ровно в шесть распахнулись двери. Избиратели входят. В светлых, нарядно убранных комнатах много столиков. У каждого стола за книжкой с фамилиями избирателей сидит член комиссии. Над всеми столиками установлены щиты с двумя — тремя буквами алфавита. Только над одним нет никакой буквы. Здесь избиратели получают бюллетени по удостоверениям. У этого столика самая большая очередь: это всё люди, приехавшие издалека.

На одном избирательном участке у такого столика мы встретили высокого стройного военного с погонами капитана. Это Герой Советского Союза Константин Самсонов, командир того самого батальона гвардейцев, который штурмом овладел берлинским рейхстагом. 9 февраля за Самсонова голосовали избиратели Арбатского избирательного округа, выставившие его своим кандидатом в депутаты. Сам Самсонов приехал в Сталинский округ, чтобы отдать свой голос за товарища Сталина. На другом участке в это же время получал бюллетень семидесятилетний колхозник Маркин, приехавший в Москву из Ульяновской области с поручением от крестьян села Языково — отдать свой голос за Сталина. С этой же целью приехал в Москву Эдвард Краулерс из латвийского хутора Валдцыны. Его дед и отец были батраками и всю жизнь мечтали о клочке земли. Эдвард оказался счастливее их: советская власть дала ему землю, и у его семьи теперь есть свой дом. Голосует за Сталина и казах Султанов. В 1942 году он отдал сто тысяч рублей из своих личных сбережений на постройку танка и был удостоен благодарности вождя.

Люди получают белые бюллетени, на которых напечатано дорогое для всех нас имя. Они волнуются, потому что сознают всю значительность этого февральского дня. Опуская в избирательную урну бюллетень с именем Сталина, они исполняют не только своё личное желание, но желание и волю всего народа.

К одиннадцати часам утра в Измайловском посёлке на избирательном участке № 42, где живёт много рабочих Электрозавода, голосование уже заканчивалось. Мастер Василь Григорьевич Алексеев не мог раньше прийти голосовать: он член соседней участковой комиссии № 40 и с утра выдавал бюллетени. Но теперь он сам подходит к первому столу.





- Ваша фамилия? - спрашивает у него член комиссии.
 - Алексеев Василий Григорьевич.
 - Простите, - вмешивается в разговор моряк, стоявший позади. - Вы Алексеев с Электроставода?
 - Да.
 - Это вы первым выдвинули кандидатуру товарища Сталина?
 - Да, я.
 - Разрешите пожать вам руку.
- Мастер Алексеев и его незнакомый друг идут вместе к избирательным урнам.

В 17 часов во всех 59 избирательных участках Сталинского избирательного округа все избиратели исполнили свой гражданский долг. Но голосование продолжалось. По мере того как в Москву со всех концов республики приходили поезда дальнего следования, приток избирателей в округе увеличивался. Все прибывавшие в Москву люди торопились поскорее попасть в округ, где баллотировался товарищ Сталин.

Как хотелось каждому высказать в этот день свои самые заветные мысли! Так было с тысячами и тысячами людей в Москве, Киеве, Минске, Тбилиси, Баку, Ереване, Вильнюсе.

Вот несколько надписей на бюллетенях избирателей, голосовавших за товарища Сталина:

«Всю жизнь свою отдаю за Сталина, за партию большевиков». «Нам трудно, Иосиф Виссарионович. Вы это знаете. Но не первой нам бороться с трудностями. Мы ведь русские, мы всё одолеем. И пятилетку вышопим на «отлично».

«Моё великое счастье. Я голосую за Сталина, за своё счастье, за счастье всего советского народа».

«К тебе я пришёл. За тебя я подал голос, а потребуется, - отдам и жизнь».

«Родной товарищ Сталин! Ты счастье наших детей. Поклон тебе глубокий от нас, матерей».

«Я шасени Йолдан Сталин!» - «Да здравствует Сталин!»

«В застенках польской охранки, за решёткой в тюрьме, за колючей проволокой, в гитлеровских лагерях всегда было передо мной образ дорогого и любимого Сталина. Как дитя, беззастенчиво привязанное к матери, лепечет «мама», так в трудные минуты моей жизни на моих устах было слово «Сталин». У него я искал моральной поддержки, помощи. При мысли о Сталине легче было переносить мучения от фашистских сатрапов. Сталин спас мне и тысячам, миллионам трудящихся жизнь. За это лично ему глубокою искреннюю благодарность».

«С вашим именем, товарищ Сталин, шёл я в бой и бил немецко-фашистских извергов. С вашим именем иду я на труд. Желая вам, Иосиф Виссарионович, здоровья и долгих лет жизни».

«Я проездом в Москве. Очень рад, что имею возможность проголосовать за товарища Сталина - отца наших побед. Пусть беснуются разные господа Черчилли, а мы делаем своё дело и идём вперёд, История - за нас».

«Сталин - наше знамя, Сталин - победа коммунизма, Сталин - слава советского народа».

Это был день торжества, радости и большого, ни с чем не сравнимого счастья. Народ голосовал за Сталина - спасителя отечества, за Сталина - своё народное счастье.

К. Непомнящий



— Что-то нынче долго «Стрелу» не встречаем, — сказал старик Нефёдов, проводивший в лесу на реке всё своё время. — В прошлый раз в Митрохином омуте её подняли.

И только проговорил он это, — в стороне, в хвощах, как плеснёт! И сразу все догадались, что это плеснула «Стрела».

— Пошла, пошла! — закричали мы рыбакам, что вели невод за поворотом, нам навстречу.

— Выбирай пережат! Вылезай из тины! На чистое, на чистое!

Все, кто был на берегу, попрыгали в воду. От кольщиков невода к обоим берегам образовали живую цепь, шарилы в тине, приминали хвощи и осоку. А впереди, в четверти километра, торопливо готовили засаду. Узкое место реки перегородили вторым неводом. Нижняя верёвка с грузилами легла на песчаное дно, верхняя — с поплавками — повисла над водой, как натянутая струна. Расправили по течению ёмкую мотню.

— Шумы, шуми, ребята, чтобы назад не ушла! — командовал Нефёдов у первого невода.

Торопясь, выбиваясь из сил, мы тянули свой невод к засаде. В реке испуганно металась малявка; на середине, подмятые неводом, коробились широкие листья कुвшинки, погружались в воду и снова всплывали позади поплавков, мокрые, порванные. А где-то в глубине стояла старая щука «Стрела». Она, наверно, настороженно прислушивалась к шуму облавы. Может быть, искала затаённые места, донные ямы, чтобы притаиться в них, переждать, пока проташится сплетение крепких нитей.

До засады оставалось не больше тридцати метров. Река сузилась. Кольшки шли вдоль берегов. Напряжение достигло предела. Сразу все приумолкли. И в этот миг перед заставным неводом над водой взметнулась щука, описала в воздухе над натянутой верёвкой дугу и, оставая уонки волн, ушла в глубины ближнего омута. Никто не проронил ни слова. Многие из рыбаков уже не раз видели, как уходит «Стрела» от облавы, а кто видел первый раз полёт щуки, онемел от изумления. Все как-то сразу обессилело, больше от волнения, чем от тяжести невода.

— Второй год так, — сказал, оглядывая всех, Нефёдов. — Чорт, а не рыбал!



Замурованная кукушка

Я вышел в лес проведать, поспела ли земляника. Набродившись по порубам и полянам, не преминул зайти к леснику. Потолковали о жаре, о сенокосе. Сообщил он мне новости своей лесной вотчины: в Митрохиных омутах, мол, на смену головлей караси развелись, в Банном логу лоси появились. Пригласил к первому августа на тетеревов.

— Ну, а теперь ваша очередь, — сказал он напоследок, обращаясь к ребятишкам, которые едва удерживались, чтобы не перебить наш разговор; было видно по лицам, что и у них есть чем удивить меня.

Едва я повернулся в их сторону, как они схватили меня за рукава и потянули из дома.

— Сядьте вот тут, у куста, — шопотом пригласили ребятишки.

Я повиновался.

— Теперь смотрите вон на тот ствол кривой осины. Видите дупло у развилки?

— Вижу.

— Так вот погодите немножко.

Я закурил и стал терпеливо ждать. Скоро к дуплу прилетела синица-белощёка.

— Прилетела, прилетела, теперь глядите хорошенько!

С нарочитым любопытством, чтобы не обидеть ребят, я стал наблюдать за птичкой, думая, что вся ребячья диковинка кончится исчезновением синицы в дупле. Но получилось совсем не так. Едва синица приблизилась к дуплу, как оттуда выглянула довольно большая птица, голова которой едва протиснулась в отверстие. К моему удивлению, это нисколько не смутило синицу. Более того: она хлопотливо сунула принесённый корм в широко раскрытый рот обитательницы дупла, в котором, казалось, могла поместиться целиком и сама, и улетела. На мгновение скрылась и та птица, что находилась в дупле, потом показалась вновь. С тревожным писком она попыталась выбраться из дупла, но смогла просунуть в отверстие лишь голову. По рыжему оперению да длинному носу я определил, что там, в гнезде синицы, находилась молодая кукушка. Высиженная из опрометчиво подброшенного яйца и вскормленная в гнезде приёмных родителей, она не в состоянии была вылететь в крошечное отверстие дупла и оказалась замурованной в нём навсегда.

По кабаньему следу

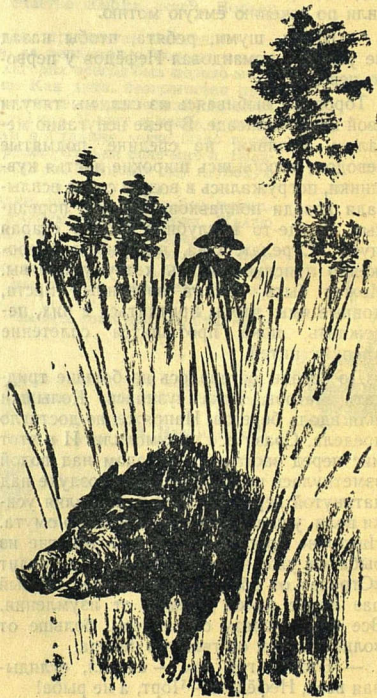
Тувинское название этого озера я забыл. По-русски звали его просто Рыбное. Лежало оно у самых отрогов Танну-ола, покрытых нетронутой тайгой. В одном месте лиственницы подходили к самой воде. В лугах — от берега до опушки леса — росли буйные травы. Цветы поднимались сочные, яркие, крупные. Бутоны Марьяных кореньев достигали величины чайного блюдца. Кукушкины сапожки и формой и размером венчика были похожи на детский башмачок.

Кто-то подал мысль, что неплохо бы построить на берегу Рыбного озера дом отдыха для передовиков-животноводов: в тех местах жители занимаются главным образом скотоводством. В июле мы вчетвером на грузовой машине и поехали туда осмотреть место. Я только что купил новую двустолку «Зауэр» и, конечно, не удержался, взял её с собой.

Приехали на озеро перед закатом солнца, остановили машину у рыбацкой избушки и разбрелись в разные стороны. Я двинулся берегом на юг и через полчаса попал в болотистую низину, подступавшую к самому озеру. Среди осоки местами сверкала вода. Выводок уток поднялся

из ближней котловинки, сделал крут, не поднимаясь выше деревьев, и опустился снова невдалеке от меня. Я подобрался к воде и выстрелил по стайке влёт. Выстрелил и... забыл даже проследить, куда упала убитая птица: над осокой, над камышом поднялись сотни уток, метнувшись понизу чомги, засвищели тревожно кулички. Забыв, что солнце спустилось уже к степной траве, я отдался охоте, углубляясь всё дальше и дальше в болото. И, наверное, лазил бы от котловины к котловине до ночи, если бы не зашёл в топь.

В страшное место завела меня охотничья страсть. Почва под ногами прогибалась. Приостановившись на минуту и чувствуешь: опускаешься в топь вместе с клочком дёрна, оглянуться не успеешь, как очутишься в зелёной воронке полуметровой глубины. А впереди, в двух шагах, вздувается торфяная волна, на гребне её появляются надломы, сплетения корней рвутся.



Судьба барабанщика

Н. Саконская

Году в сорок первом и раньше,
 Короче сказать, до войны,
 Весёлый пагал барабанщик
 Дорогами нашей страны.

Бывало, подымется
 Самую рань:
 — Эгей, барабанщик,
 Побудку играй!
 И вот он шагает,
 А следом за ним
 И мы по родному
 Просёлку пылим.
 Ветрами провеял,
 Дождями крещён —
 Такими навсегда
 Мне запомнился он.

Он дальние страны для нас открывал,
 Военные тайны он нам доверял,
 О горных вершинах он песню любил,
 И нас эту песню он петь научил.
 Но чаще всего вспоминается мне
 Походная сумка на жёлтом ремне.
 В той сумке хранил он всегда про запас
 То песню, то сказку, то просто рассказ.

И вот наступил сорок первый,
 Военный, всем памятный год.
 И двинул в поход беспримерный
 Свои шлоны народ.
 Враги обступили
 Наш солнечный край.
 — Эгей, барабанщик,
 Тревогу играй!
 Мы верим, со славою
 Окончится бой
 И лучшая сказка
 Ещё за тобой!

Есть городок небольшой на Днепре,
 Его за версту разглядишь на горе:
 Как будто гусей белоснежных стада,
 Опрятные хатки в вышних садах.
 Вот там-то бесстрашно в коротком бою
 Он встретил судьбу боевую свою.
 Был вражеской пулей убит наповал,
 И Днепр в этот час близ него бушевал.

Но чудом тогда уцелела в огне
 Походная сумка на жёлтом ремне.
 И мы эту сумку с тех пор бережём,
 Как светлую, чистую память о нём...

Ты спишь, барабанщик,
 И сон твой глубок,
 Но если бы снова
 Проснуться ты мог,
 Своими б глазами
 Увидел тогда,
 Что вновь из развалин
 Встанут города,
 Что неба родного
 Чиста синева,
 И песня не смолкла,
 И сказка жива.

Попробовал я пройти в одну сторону —
 вернулся. Пошёл в другую — земля со-
 всем расстучается. Добрался до кочки с
 чахлым кустом, примял его под себя, при-
 сел на корточках. Солнце село. Потянуло
 из тайги, с горного хребта, хвоей. Над го-
 ловой пронёсся выводок чирков. Я пошёл
 снова. Медлить нельзя: в темноте из тря-
 сины совсем не выйти. Начались камыши,
 но трясина не кончалась. Прежде чем сде-
 лать шаг, я пригибал пучок камыша к
 земле и становился на него. Он спасал
 меня от провалов.

Вдали в вечерней дымке поднимались
 отроги Танну-ола. Это давало ориенти-
 ровку. Надо было идти в противополож-
 ную сторону, и выйдишь к озеру. Ради это-
 го я пренебрегал даже более твёрдой
 почвой под ногами.

Внезапно впереди захрустел, зашатался
 тростник. Я инстинктивно взбросил ружьё
 и едва не выстрелил: в двадцати шагах
 стоял здоровенный кабан. Он осмотрел
 меня злыми, маленькими глазами, потом
 метнулся в сторону и скрылся. Я был рад
 такому исходу и особенно тому, что удер-
 жался, не выстрелил. Что сделала бы ему
 моя утиная дробь и как бы он, раненый,
 отнёсся к непрошенному гостю? Через
 минуту я добрался до того места, откуда
 поднялся кабан. Это было, видно, его по-
 стоянное логово, так как между двух ко-
 чек виднелась подстилка из сухих трост-
 ников. Но главное, чему я несказанно об-
 радовался, — под ногами чувствовалась
 твёрдая почва.

Держась кабаньего следа, я стал про-
 бираться меж зарослей камыша. С тру-
 дом отыскивая среди болота след зверя,
 я видел, как искусно обходил кабан тря-
 сину и озерки. К моему огорчению, он
 всё определённое заворачивал от озера в
 сторону тайги и, мне казалось, снова в
 глубь болота. Но я решил довериться це-
 ликом инстинкту зверя.

И вдруг за редущим тростником блес-
 нула вода. Это было Рыбное озеро. За
 ним вставали горные таёжные хребты
 Танну-ола. И только теперь стало всё
 понятно: охотясь в камышах, я незаметно
 обогнул озеро и находился на другой его
 стороне. Стараясь держаться спиной к
 горам, я уходил и от озера, в глубь неве-
 домого болота.

И тут только понял я, от какой страш-
 ной ночи, а может быть, от гибели среди
 трясины спас меня кабаний след.



А. Морозов

Рис. Ф. Лемкуля



В 1950 году с конвейера советских автомобильных заводов каждую минуту будет сходиться новый автомобиль. Если все машины, которые будут выпущены в последний год пятилетки, выстроить в одну колонну, она протянется от Москвы до Ташкента. Тут будут изящные и стремительные легковые машины, мощные грузовики, автобусы, вмещающие до пятидесяти человек, лёгкие автомобили с деревянными кузовами, служащие для перевозки почты, кареты скорой помощи.

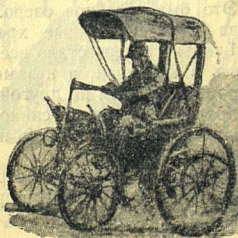
Для нас автомобиль — привычная и обыкновенная машина. Но ещё в 1913 году он был редкостью. Во всей России было всего-навсего около девяти тысяч машин, и почти все они были привезены из-за границы.

А вот посмотрите на этот рисунок. Это автомобиль, выпущенный в 1893 году. Маленький мотор установлен под сиденьем экипажа, колёса без шин. Интересен способ управления этой «костоломкой», как тогда шутя называли автомобиль: водитель поворачивал передние колёса

стержнем, похожим на румпель лодочного руля.

Но и такой автомобиль мог появиться только после изобретения лёгкого, занимающего немного места и достаточно мощного двигателя внутреннего сгорания. Двигатель этот был изобретён в 1883 году, и уже два года спустя по дороге покаты первый автомобиль. Это был обыкновенный конный экипаж, в который вместо лошади «впрягли» двигатель. Трёх- и четырёхколёсные «моторные коляски» передвигались с ужасающим грохотом, делая около десяти километров в час.

Журналисты писали статьи о том, что автомобили отвратят воздух бензином, что у людей, едущих на автомашинах, от непрерывной тряски будут слабеть умственные способности и даже возможно сотрясение мозга.



КАК ИЗМЕНЯЛСЯ АВТОМОБИЛЬ



За шестьдесят лет автомобиль стал неузнаваемым. Особенно изменились его мотор и кузов. Сердце автомобиля — мотор внутреннего сгорания. Называется он так потому, что смесь воздуха и паров бензина воспламеняется внутри цилиндра двигателя. Поршень сжимает горячую смесь, она воспламеняется, газы толкают поршень обратно, и он производит нужную работу — двигает колёса машины.

У первых автомобильных двигателей были в несколько лошадиных сил. Эту мощность нетрудно получить и при одном цилиндре. Развивался, автомобиль увеличивал свою мощность, он вызвал появление двухцилиндровых, потом трёх-, четырёх-, шести-, восьми- и двенадцатцилиндровых двигателей.

У нашего лучшего легкового автомобиля «ЗИС-110» восьмцилиндровый двигатель, восемь его поршней согласованно действуют на общий коленчатый вал мотора.

Действие этого мотора можно сравнить с движением колеса по брёвнам: если уложить вместо четырёх толстых брёвен восемь тонких, толчки, испытываемые пассажиром, будут намного слабее. Так же в многоцилиндровом моторе взрывы в цилиндрах более плавно действуют на вал.

Форму кузова автомобиля изменила погоня за скоростью. Первые гонки состоялись уже через несколько лет после изобретения автомобиля.

С грохотом, в облаках пыли и бензина, часто переворачиваясь, мчались из Парижа в Руан четырёхколёсные моторные коляски. Деревенские жители с ужасом провожали их глазами, не понимая, как движутся эти экипажи без лошади.

Самая быстрая машина прошла 126 километров пути за 10½ часов. Через год французская гоночная машина показала уже скорость в 24 километра в час. Но как далека эта скорость от скоростей современных гоночных машин. Рекорд скорости гоночных автомобилей теперь равен 594,9 километра в час.

Чтобы достичь этой скорости, автомобилю пришлось научиться преодолевать сопротивле-

ние воздуха. При малой скорости оно не играет почти никакой роли. Сила сопротивления воздуха увеличивается пропорционально квадрату скорости, а мощность, нужная для того, чтобы преодолеть это сопротивление, возрастает пропорционально кубу скорости. Автомобиль, делающий, например, 80 километров в час, чтобы развить скорость, в два раза большую, должен иметь мотор в восемь раз мощнее: $2^3 = 8$. Значит, мощность машины в 40 лошадиных сил пришлось бы доводить до 320 лошадиных сил, чтобы заставить автомобиль ехать в два раза быстрее? Техника пошла иным путём. Она стала преодолевать сопротивление воздуха, изменяя форму автомобиля, и постепенно создала автомобиль обитаемой формы. Скорость автомобиля от этого возросла в несколько раз.

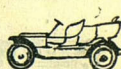
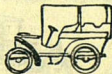
Конечно, не думайте, что всё это происходило быстро. Так, например, переднее ветровое стекло, защищающее шофёра, было впервые установлено только в 1915 году. Тридцать лет понадобилось для того, чтобы придумать такое, казалось бы, нехитрое приспособление.

Долгое время автомобиль оставался хрупким, высоким сооружением, которое во время катастрофы разлеталось на мельчайшие обломки. Но постепенно он делался всё приземистее и прочнее. И теперь его стальной кузов и надёжное шасси выдерживают самые сильные удары и сотрясения.

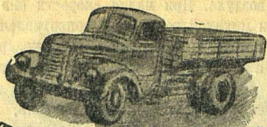
Долгое время никто не считал возможным приспособить эту «благородную» машину для перевозки грузов.

Только первая мировая война показала, что может сделать простая грузовая машина, и с тех пор началось победное шествие грузовиков самых различных типов.

В Великую Отечественную войну автомобиль сыграл огромную роль. На одном из белорусских фронтов в апреле 1945 года на автомашинах переросили три армии на расстояние около 400 километров. Немцы были захвачены врасплох, и наши войска прорвали фронт. За один день войны автомобили Советской Армии перевезли сотни тысяч тонн боевых грузов. А вспомните «дорогу жизни», проходившую по льду Ладожского озера к осаждённому Ленинграду. Это был единственный путь, связывавший ленинградцев со страной. По ледяной дороге под артиллерийским обстрелом, осыпаемые авиабомбами, советские автомашины доставляли самое необходимое для обороны: хлеб и боеприпасы. Они спасли жизнь сотням тысяч ленинградцев.



СОВЕТСКИЕ ТЯЖЕЛОВОЗЫ

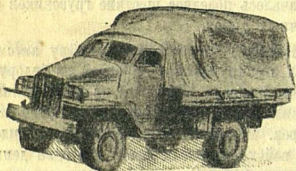


Наши автомобильные заводы в годы пятилетки выпускают девять новых марок автомашин.

Недавно закончились испытания грузовой машины «ГАЗ-51». Этот грузовик везёт 2,5 тонны груза, скорость его — 70 километров в час.

При испытании машины совершили пробег в 5 тысяч километров. Около тысячи километров они прошли по бездорожью, преодолели крутые дороги Крыма, пески приднепровских плавней... Все препятствия, все «западины», которые устраивают автомашинам плохие дороги, оказались бесильными задержать «ГАЗ-51».

Новый автомобиль Горьковского автозавода «ГАЗ-63» благополучно выбирается из ещё более трудных положений, потому что мотор у него связан не только с задней осью, но и с передними колёсами. Там, где другая автомашинна застреваает, «ГАЗ-63», прилагая силу одновременно к передним и задним колёсам, легко преодолевает препятствия с грузом в 2 тонны. Он подобен человеку, который, карабкаясь на гору, руками помогает ногам, хватаясь за камни и кусты.



«ГАЗ-51».

Для автомобилей нужно дорогое топливо — бензин. Но есть автомобили, работающие на дешёвом, соляровом масле и нефти. Двигает эти машины мотор Дизеля. У нас мотор Дизеля установлен на «ЯАЗ-200». Это настоящий «тяжеловес» среди наших грузовиков. На него можно нагрузить 7 тонн. У него просторная, широкая

кабина, рассчитанная на трёх человек, и много приспособлений, облегчающих работу водителя. Запасное колесо этого грузовика весит 135 килограммов, и возиться с ним не под силу шофёру. На помощь приходит лебёдка, которая легко подымает колёса «ЯАЗ-200». Для запуска мотора грузовик снабжён мощным стартером-электродвигателем, «раскручивающим» мотор. Есть и специальное устройство для подогрева этого мотора, потому что трудно бывает шофёру запустить промёрзший мотор зимой. «ЯАЗ-200» — «сухопутный корабль» дальнего плавания: его бак вмещает горючего более чем на 500 километров пути.

Большую работу выполняют грузовики в этой пятилетке. При перевозке грузов на 100—150 километров автомобили выгоднее железнодорожного транспорта. Грузовики, которые будут выпущены только одним Горьковским автозаводом в 1950 году, смогут одновременно взять груз, для перевозки которого понадобились бы 37 тысяч товарных вагонов.

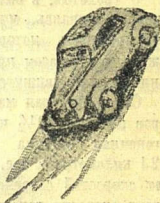


СТАЛЬНЫЕ БЕГУНЫ

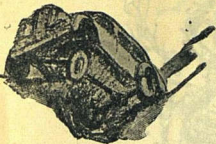
Выше 65 тысяч новых легковых автомобилей дадут наши заводы стране в 1950 году. Среди них будут и простые, дешёвые и роскошные автомобили.

Легковая машина Московского автомобильного завода имени Сталина «ЗИС-110» напоминает стрелу, когда она мчится по шоссе со скоростью 140 километров в час, — так сглажены у этой машины все выступающие части, так они подчёркивают её стремительное движение вперёд. На такой скорости надо быть уверенным в тормозах. У «ЗИС-110» все четыре колеса с тормозами. Шофёр нажмёт педаль — и тормоза «вцепятся» в колёса.

«ЗИС-110» бешумен. Резина гасит все звуки, возникающие в соединениях между движущимися частями. Пассажиры



изолирован от внешнего мира: к нему не доносится уличный шум, до него не добирается зимний холод, потому что у «ЗИС-110» есть отопительная система.



Горячий пух, губчатая резина и специальные пружины в сиденьях превращают для пассажира даже плохие дороги в гладкий асфальт.

У «ЗИС-110» есть ещё одно важное усовершенствование: его передние колёса не сидят на одной оси, они укреплены независимо друг от друга. Благодаря этому «ЗИС-110», наезжая на неровности почвы, «переступает» их, как человек. Положение кузова при этом не изменяется, и пассажир совсем не ощущает толчков. Только так позаботившись о пассажире, конструкторы разрешили этой замечательной машине мчаться со скоростью в 140 километров в час. В обыкновенной машине даже небольшой ухаб на такой скорости заставил бы пассажира не раз стукнуться головой о крышу или слететь с сиденья.

«М-20» — «Победа», — легковая автомашинка Горьковского завода, заменит старую «эмку». Ей нужно только 12 литров бензина, чтобы промчать пять человек на расстоянии 100 километров. А скорость «М-20» — 110 километров в час.

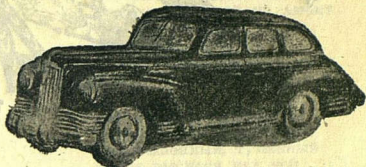
Ещё меньше требовавший на горючее предъявляет «Москвич» — лёгкий, хорошо обтекаемый автомобиль. На каждые 100 километров пути «Москвич» расходует всего 8 литров бензина. По сравнению с «ЗИС-110» «Москвич» — совсем слабосильная машина: у неё мотор в 23 лошадиных силы. Но и с этим мотором «Москвич», везя четырёх пассажиров, развивает скорость в 90 километров в час.

Можно ли построить совсем маленькую автомашину, рассчитанную на двух, а то и на одного человека? Конечно, можно, и у нас такие машины будут. Но создание совсем маленьких автомашин, скорость которых велика — около ста километров в час, — нелёгкое дело. Автомобиль-лилипут должен быть прочен, надёжен, а сделать маленькую, лёгкую деталь достаточно прочной гораздо труднее, чем большую.

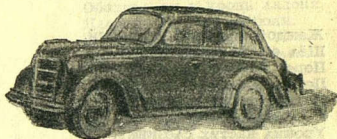
Советские конструкторы недавно построили маленькую гоночную машину, названную «Звездой». Высота этого автомобиля, похожего на огромного плоского жука, закованного в блестя-



«Победа».



«ЗИС-110».

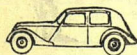


«Москвич».

щий металлический панцирь, — всего 72 сантиметра.

Ещё много других машин вы увидите на наших дорогах в эту пятилетку. Уже созданы автомобили-вездеходы, у которых колёса заменены гусеницами, газогенераторные автомобили, работающие не на бензине, а на деревянных чурках, на угле и на торфе, газобаллонные машины, снабжённые баллонами с газом, — горючим для своих двигателей. Есть у нас грузовики высокой проходимости, целые автопоезда, где один мощный автомобиль тянет за собой целый состав безмоторных прицепов. Уже изготовлены интересные образцы дизельных автомобилей, которым не страшны самые плохие дороги, мощные самосвалы с автоматически опрокидывающимся кузовом.

Все эти машины будут служить сталинской пятилетке.





Емилиан Бунов
Рис. В. Таубера

(Окончание)

Перевод с молдавского
Владимира Державина

Жаждой и жарой томимый,
Шёл он. И остановился
Перед бедной дикой розой,
Перед высохшим от зноя,
Почерневшим мачиешем¹,
И от жалости сердечной
Уронил пастух слезинку,
Вмиг пробился калоч гремячий,
Отпрыск синего Днестра.
Андриеш к калочу нагнулся,
Жажду утолил и видит:
Разлился ручей и корни
Дикой розы затопил.
На кусте засохшем листья
Чёрные позеленели,
Заехали лепестки.
Чу! Как будто тихо шепчут
Лепесточки, но так тихо,
Что лишь чуткий сердцем может
Этот шепот услышать:

«Доброе сердце, послушай меня!
Мутник отважный, послушай меня!

Гордый — о жалости я не взмолюсь,
Правый — неправому не поклоюсь.

С просьбой одной обращаюсь к тебе я:
Помощь мне дай покарать лиходея.

Здесь я сто лет зачарован стою,
Мести оружие у сердца твоего.

Был я когда-то правитель народа,
Звали меня Мачиеш-воевода.

¹ Мачиеш — дикая роза, шиповник.

Был невелик мой народ, но в бою
Смело отстаивал волю свою.

Радости наши и наши печали
Я и народ сообща разделяли.

И полюбилась мне в юности рано
Фея рассвета — Зорилор-Джана.

Утра звезду — молодого гонца —
Сватою послала я в чертоги отца.

Дочь светлоглазую Солнце-отец
Выдать решил за меня наконец.

В замке ни двор, ни просторная зала
Званных на свадьбу гостей не вмещала

И танцевали с невестой моей
Многие из знаменитых гостей.

Был на пиру среди званого люда
Витязь один — неизвестно откуда.

Чёрные кудри, как грива, длинные,
Очи, как полночь глухая, темны.

Спрямо, высок, хорошо танцевал он.
Трижды невесту мою приглашал он.

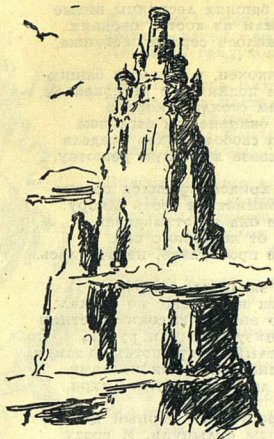
Вдруг, когда Джана с ним в танце неслась,
Грива его вокруг неё обвилась.

В воздух взвился он, унёс её к тучам,
Грива же сделалась ливнем гремучим.

Молнией грозной блеснули глаза.
Землю он начал хлестать, как гроза.

Поняли тут мы, кого принимали:
Чёрного Вихря мы в госте узнали.





Я ополчил своих верных людей,
К замку повёл, где таился злодей.

Витязь я был удалой и бесстрашный.
Чёрный же Вихрь избегал рукопашной.

Он волшебством мне глаза отводил.
Войско моё он в траву превратил.

Заколдовал меня чарой могучей —
Дикую розою сделал колючей.

Зорилор-Джану за то, что она
Мне и в неволе осталась верна,

Статую каменной в замке поставил,
Но умереть он её не заставил.

Взор её ясный зарёю горит,
Брезжит сквозь башенный толстый гранит.

Ты о враге всё сначала проведай,
Чтоб увенчался твой натиск победой.

Если ты добр, — это мало, пастух!
Если ты храбр, — это мало, пастух!.

Будь перед всяким несчастьем возможным
Умным, расчётливым и осторожным.

Враг твой силен и хитёр. А пока
Два у меня ты возьми лепестка.

Первый к губам приложи ты румяным —
Грозный он сделается ятаганом.

В битве он молнии будет быстрее,
Бритвы отточенной будет острее.

Если метнуть во врага им придётся,
Сам он к тебе, ятаган твой, вернётся.

Хитрость любую противника в срок
Глазу откроет второй лепесток.

Спрячется враг иль во что превратится,
От лепестка он не сможет укрыться!

Только ты сквозь лепесток погляди...
Выслушай слово ещё, погоди:

Если ты Чёрного Вихря застанешь
Спящим, — его не убьёшь и не ранишь!

Ибо, едва погружается в сон,
Глыбой гранитной становится он».

* * *

Так вперёд, вперёд, смелее!
Всё же близкая победа
Преждевременной не любит
Радости. Побереги
Ликование напоследок.
Для последнего удара
Дух и тело напряги!

Вот утёсистая круча
Встала перед Андриешем,
Семибашенный, туманный
Замок высился над ней.

Стал карабкаться по скалам
Андриеш неутомимый,
Ободрал он в кровь ладони,
Плакать хочется от боли.
Но весёлого Пакалу
Вспомнил он и засмеялся.

Трижды наступала ночь.
Трижды в сон его клонило,
Но ведь если б он заснул,
С каменной высокой кручи
Он упал бы и разбился.

Полз и видел Андриеш
Две неясные струйки света.
Это брезжили сквозь камень —
Сквозь глухие стены замка —
Очи Джаны-Зорилор.

Вот вскарабкался на кручу
Андриеш, окинул взглядом
Необъятный кругозор:
Всё окрест глубоко спало,
Облака стояли в небе
Неподвижно, словно горы.
В высоте застыли птицы.
Капли крупного дождя
Налету остеклятели
И не падали.
У стен
Замка пастушок увидел
Всех своих овец. И с ними
Пёс Лупар. Окаменел он
На бегу, с раскрытой пастью,
Будто лаял он беззвучно.

Поднял Андриеш свой флуер,
Заиграл на нём. Но звуки
В воздухе окаменели.
Догадался пастушок,
Что уснула хозяйн замка,
В глыбу камня превратился
И что всё вокруг него
Вместе с ним окаменело.

Надо Вихря разбудить!
Надо с ним сразиться! Смело
Андриеш пошёл к воротам.
Сторож охранял ворота,
Великан с огромной пикой.
Только он один не спал.
Рот разинув, прохрипел он:
«Дай-ка съем тебя, мальчишка!
Я сто дней не ел. С тех пор,
Как уснул наш царь, я заклял
Сторожить, стоять на месте».

Ухватил он Андриеша,
Сунул в пасть и начал жадно
Щёлкать редкими зубами.
Меж его зубов высокие
Притаился пастушок,

А когда вздремнул под утро
Сторож и отвисла челюсть
У него и рот раскрылся,
Вылез Андриеш из пасти.
По лесу усов пошёл он,
По глубоким рвам морщин.
Вниз по бороде спустился,
По железному подолу,
По кольчуге догополой.
Спрыгнул наземь невредимо,
Резво на ноги вскочил.

* * *

Тут осколок буздугана
Вверх подбросил Андриеш.
Прилетел, свистя, могучий
Фет-Фрумосов буздуган.
В грудь ударила великана,
Вышиб семь дверей железных,
Семь дверей с семью замками,
С грохотом упали замки.

В замок пастушок вошёл.

Своды поднялись высоко,
Опираясь на утёсы.
Там на золотом песке
Вихрь лежал окаменелый,
С каменною бородой.

Возле бороды застыла
Флоричика с длинным гребнем.
Шут у ног царя смеялся
Каменным, беззвучным смехом.

Все похожие на Вихря,
Только маленькие ростом,
Слуги на бегу застыли.
За спиною у злодея
Джана-Зорилор стояла
Мёртвой статуей холодной,
Лишь глаза у ней живые.

Побежал пастух по гуаким,
По пустынным коридорам.
Шесть уже обшарил башен,
Не нашёл нигде Миори!

В башнях лестницы витые
Были из костей овечьих.
Сжалось сердце пастушка.

Наконец, в седьмую башню
Он поднялся с нетерпеньем.
Там стояла Миорица
И окаменелым взглядом
На свободу вдаль глядела
Сквозь железную решотку.

С криком бросился пастух
Обнимать и звать Миору.
Но она не отзывалась
И от каменного сна
Не проснулась, не очнулась.

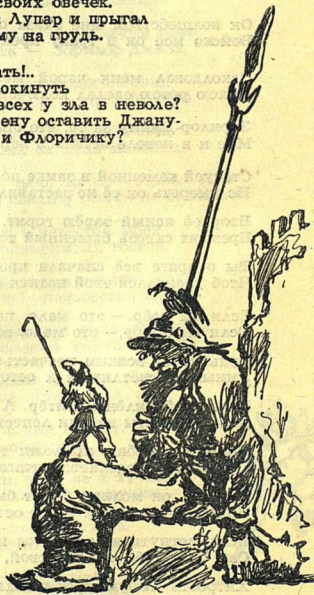
И заплакал Андриеш,
Как никто ещё не плакал:
По винтам высоких лестниц
Книзу хлынули ручьи,
Целью Днестр потёк по замку,
Пенными шумя волнами,
И до рта поднялся Вихря.

Пробудился чёрный царь.
Воды схлынули. И сразу
Всё вокруг царя проснулось,
И очнулась Миорица:

«Андриеш, беги! Не медли!
Чёрный Вихрь тебя почуял!»

На руки схватив Миору,
Выбежал пастух из замка,
Увидал своих овечек.
Лаял пёс Лупар и прыгал
Весело ему на грудь.

Так бежать!..
Но как покинуть
Добрых всех у заа в неволе?
Как в плену оставить Джану-
Зорилор и Флоричику?





И других?.. Нет, мстить злодею!
Мечь — закон лесов и пашен —
Породила гайдуков!

Вылетел царь Вихрь из замка,
Ринулся на пастушка.
Вынул пастушок из торбы
Лепесток от Мачиеша...
И его поцелова.

Вместо лепестка ягаил
Богатырский ятаган,
И рука у Андриеша
Стала вдрут такою сильной,
Что сильней и в мире нет.

Чёрный Вихрь почуял силу,
Взвился ввысь и скрылся в тучах.
Вынул Андриеш другой
Лепесток от Мачиеша,
Приложил к глазам и стал
Сквозь него смотреть на небо.

Пусто в небе, только ветер
Кружит пёрышко воронье,
А на пёрышке чернеет
Малой мошкой Вихрь-колдун.
Андриеш метнул тяжёлый
Ятаган. Перо пропало.
Ятаган назад вернулся.

Долго пастушок смотрел
Вдаль сквозь лепесток волшебный
И увидел наконец

Ракушку на дне озёрном.
В ракушке сидел колдун,
Обернувшийся песчинкой.

Ятаган пастух метнул.
Ракушка из глаз пропала.
Снова скрылся Вихрь, и снова
Воротился ятаган.

День и ночь злодея ищет
Пастушок, не ест, не спит.
Жарко стало Андриешу.
Из-под шапки льётся пот.
Сбросил он на землю шапку,
Посмотрел и удивился:
Чёрный Вихрь сидел на шапке,
Превратившись в комара.

Во весь рост колдун поднялся,
Бородой взмахнула железной,
Но ему вонзился в сердце
Богатырский ятаган.
Рухнул Чёрный Вихрь на землю,
Дрогнула скала кругая,
Закачались башни замка.

И мгновенно всё вокруг
Зашумело, засмеялось.
Травы, рощи и дубравы
Зацвели, зазеленели,
Огласились пеньем птичьим.

На глазах у всех в долине
Таяла гора живая.

Оживали, подымались
Из камней богатыри.
Со скалы крутой в долину
Перенёс ковер волшебный
Дочь Зари и Флоричику,
Всех овец и Андриеша
С Миорицей и овчаркой.

А навстречу пастушку
На коне крылатом ехал
Фет-Фрумос, с ним Косызяна,
Гайдуки и славный Чубер.
Впереди летела Дона,
Украсила путь цветами.

Кто же этот воин стройный —
Джану-Зориолор встречает?
Это Мачиеш, с ним войско,
Что сто лет травую быско.

Вот и сильный Стрымба-Лемне
Обнимает Флоричику.
Вьётся в небе Птица-Ветер,
Пляшут белые берёзки,
Дуб Стежар шумит ветвями,
И журчат сынки Днестра.

Всем, кто на пути опасном
Помогли ему, пастух
На добро добром ответил,
И за это светлым счастьем
Одарён был Андриеш.

Поднял он к губам свой флаер,
И запел бузинный флаер
Дойну счастья и победы.
Вместе с ним, ликуя, пели
Люди, птицы и деревья;
И такое ликование
Началось, какого белый
Свет не видел и не слышал.

Тысяча холмов зелёных,
Тысяча долин цветущих
На дороге Андриеша,
На пути его обратном,
На пути его весёлом
В Золотистую долину.

Шли мы вместе с Андриешем
По колючкам и по мукам.
С ним теперь родное стадо,
С ним друзья и Миорица.

Добрый путь тебе, отважный
Пастушок долин модавских!
Ты нам показал, как смелость,
Честность, доброта и правда
Побеждают все преграды!

Кто же хочет дальше слушать,
Пусть мне скажет.
И открою
Я родных долин страницы,
Где в любом кусте бузинном,
В каждом ручейке журчащем
Сказки дивные живут.





А. Дорохов

Рис. В. Цельмера

Есть у меня приятель, маленький московский школьник. Зовут его Юра Сидоров. Часто, выходя из дома, я встречаю его на дворе с книгами подмышкой.

— Ну, будь готов! — улыбаясь, приветствую я его.

— Всегда готов! — лихо отвечает он, подымая руку.

Однажды я спросил Юру:

— А понимаешь ли ты, что значит твой ответ? К чему ты готов?

Он ответил мне очень серьёзно:

— Это знает каждый пионер. Наш лозунг: «В борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов!»

— И ты действительно готов вступить в борьбу, если понадобится? Ты всерьёз готов к этой борьбе? — настаивал я.

Тут Юра призадумался.

— А как же мне готовиться? — спросил он.

И тогда я рассказал ему о том, как мне самому в молодости пришлось задуматься над таким же вопросом.

Это было в 1919 году. На Ленинград, где я тогда жил, наступали войска белогвардейского генерала Юденича. Враги хотели захватить город, где родилась Октябрьская революция, и уничтожить молодую советскую власть.

Вместе со своими товарищами комсомольцами я записался в боевой отряд, который должен был через три дня выступить на фронт.

Почти весь отряд состоял из рабочей молодежи и школьников. Но был среди нас один пожилой усатый солдат. Он только что вернулся с германского фронта и снова взял ружьё, чтобы бороться с врагами революции.

— Да сумеете ли вы, ребята, воевать? — спрашивал он недоверчиво.

Мы только пожимали плечами. Каждый из нас целую неделю провёл на стрельбище, всаживая пулю за пулей в старые мишени. Это мы-то не сумеем воевать?

И вот нам выдали обмундирование. Разбрелись ребята по углам и что-то вздыхают, стараются. Я тоже слегка растерялся. Всю жизнь носил носки, а тут выдали портянки. Как их завернуть? А ведь командир предупреждал: плохо завернёшь — сотрёшь ноги в первом же походе и выйдешь из строя на неделю.

Пришлось мне обратиться к бывалому солдату. Стал он нас учить, как портянки заворачивать, как шинель свёртывать в плотную скатку, чтобы не мешала на ходу, как патроны раскладывать по подсумкам, как топчатку к поясу привешивать, чтобы по ноге не била.

А когда мы оказались на фронте, то поняли, что без бывалого солдата мы и вовсе бы пропали. Он нас учил: и как костёр в сыром лесу развести, и как шалаш смастерить, и окопчик вырыть, и кашу сварить, и сапоги залатать, и в



разведке не заблудиться. Словом, была бы нам без него беда.

И тут все мы поняли, что к настоящей-то войне мы не совсем готовы. Пришлось нам к ней готовиться на ходу.

— Ну а ты, Юра, готов к любым испытаниям? — спросил я своего приятеля, окончив рассказ.

— Нет, не готов, — покраснев, ответил он. — Я об этом, по правде, и не думал, когда отвечаю «Всегда готов!» Как же мне теперь готовиться?

Я постарался ответить Юре на его вопрос и хочу теперь рассказать всем ребятам, что значит действительно быть готовым не на словах, а на деле.

Гордо отвечая «Всегда готов!», вы должны помнить, что берёте на себя большое и серьёзное обязательство. Вы обещаете быть готовыми выполнять каждое задание, большое или маленькое, которое в ваших силах.

Вот ты, например, много лет живёшь в своём городе. А знаешь ли ты его? Известно ли тебе, куда ведёт улица, по которой ты ходишь в школу, где находится аптека, как быстрее пройти к электростанции, на вокзал, к больнице?

«А зачем же мне всё это знать?» — спросишь ты.

А вот зачем. Если ты пионер, — значит, ты должен быть готовым помочь каждому, кто к тебе обратится.

Прохожий горющий на поезде — укажи ему дорогу к вокзалу. У соседей кто-нибудь заболел — сбегай в аптеку или в больницу. В доме случилась авария — добеги до электростанции или водоканчки и вызови дежурного монтажера или водопроводчика.

А окрестности своего города ты хорошо знаешь?

Это тоже может пригодиться. Один мой друг, инженер, всю жизнь строит большие заводы. Когда он приезжает на новое место, чтобы выбрать площадку для будущего строительства, он прежде всего собирает местных пионеров. У них он узнаёт, где протекает ближайшая речка, где лучше вырыть колодец, где неподалёку можно найти чистый песок, глину, известняк. Однажды пионеры свели его даже на место, где из земли проступала нефть, и впоследствии там выросли нефтяные разработки.



А умеешь ли ты сварить суп, растопить печку, выстирать рубашку, заштопать чулок? Не умеешь? Значит, ты не готов к самым простым житейским делам.

Ты, конечно, слышал о блокаде Ленинграда во время последней войны.

Все взрослые жители Ленинграда вышли тогда на борьбу с врагом. Одни защищали город на фронте, другие с утра до ночи работали на заводах, готовя снаряды и орудия, третьи добывали торф и дрова в окрестностях города. Дома оставались только беспомощные, больные старики и матери с маленькими ребятами. Кто же о них заботился?

Эту задачу взяли на себя ленинградские комсомольцы и пионеры. Они узнавали, где нужна их помощь, и каждый день расходились по квартирам ослабевших от голода и холода людей. Ребята разбирали старые заборы, пилили их на дрова, топили печки, носили из реки воду в ведрах, стирали и чинили бельё, помогали варить пищу. И те из пионеров, кто умел всё это делать, спасли много человеческих жизней.

Вот и проверь себя: готов ли ты так же выполнить свой долг? Сможешь ли ты помочь матери, если она заболела? Сумеешь ли ты взять на себя часть забот по дому, если её пошлют в командировку? Готов ли ты остаться в доме за хозяина и заботиться о маленьких братишках и сестрёнках?

Подумай и ещё об одном. Для того чтобы быть готовым взяться за любое трудное дело, ты должен быть сильным, ловким и смелым. Ты не должен бояться ни усталости, ни простуды. Ты должен уметь хорошо бегать, плавать, грести, ходить на лыжах, ездить верхом. Всего этого ты добьёшься, если с детства будешь заниматься физкультурой.

Ты помнишь жизнь великого полководца Суворова? Русские войска, под командованием Суворова преследуя врага, прошли через неприступные ущелья и кручи Альп.

Суворов был тогда уж стариком. Но он переносил все трудности похода вместе со своими чудо-богатырями. Он сутками не сходил с коня, спал, завернувшись в плащ, на голой земле, обходился куском хлеба и кружкой воды. И его пример воодушевлял каждого солдата.

Суворов с детства готовил себя к невзго-



дам военной службы. Десятилетний мальчиком он начал закалять себя, стоя часами под проливным дождём, каждое утро обливаясь холодной водой и делая гимнастику, заставляя себя терпеливо переносить голод и жажду. «Солдату не положе-но нежиться», — отвечал он на уговоры старших.

Вот почему, когда Суворов стал солдатом, он был готов к любому испытанию.

А ты, например, готов провести ночь в поле, если тебе поручат охранять урожай? Не испугаешься темноты и холода?

Но самое важное, что тебе нужно помнить, когда ты отвечаешь «Всегда готов!», — это твоя учёба. Тебе надо очень много знать, чтобы справиться с той работой, которая выпадет на твою долю. Человек, который

мало знает, растеряется перед самой несложной задачей, растеряется и при первой неудаче.

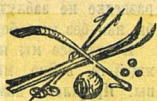
Тебе нужно много учиться и очень много читать. Ты знаешь, что Владимир Ильич Ленин учился всю свою жизнь и всегда говорил, что знает ещё слишком мало? А ведь он был одним из самых образованных людей в мире.

Товарищ Сталин руководит всем нашим государством. Трудно найти другого человека, который работал бы так много, как он. Но каждую ночь товарищ Сталин читает всё новые и новые книги. Он настойчиво учится, чтобы знать всё больше и больше.

Учись и ты! Учись каждый день и каждый час. Учись всему, что может понадобиться тебе в жизни.

И тогда ты с полным правом и внутренней гордостью будешь произносить наш славный пионерский девиз:

— К борьбе за дело Ленина—Сталина всегда готов!



Что вы делаете на звеньевых сборах?



По тому, как проходят звеньевые сборы, всегда можно определить, дружно ли живут в этом звене пионеры, интересными ли делами они заняты.

В звене Вити Немировского из дружины 324-й московской школы часто бывают интересные сборы.

На этом снимке вы видите ребят этого звена, которые собрались для того, чтобы разучить дорожные знаки, сделать самодельные винтовки и сабли, приготовить знаки различия. Скоро в их дружине будет военная игра!

А как проходят звеньевые сборы у вас?



Про наши дела

(Окончание)

Юрий Сотник

Рис. Б. Винокурова

Экспедиция

— Возьмите топоры. Пилы спрячьте! Без команды не вылезать! — шопотом распорядился Оська.

Вооружившись, мы снова легли, выглядывая из-за бугра.

— Пойдёмте, дяденька. Я уже! — ласково сказал Тимошка.

Вместе с незнакомцем он скрылся в лесу. — Вперёд! — командовал председатель.

То ползком, то бегом пересекали мы поляну. Причась за деревьями, спотыкаясь о пни и поваленные стволы, пошпи гуськом вдоль дороги. Временами слабо поблёскивали лезвия топоров.

Мы не видели шедшего впереди завснаба. Но он нарочно очень громко задавал «диверсанту» всякие каверзные вопросы.

— Вы, дяденька... Вы, дяденька, наверно, нездешний? Да? — так и звенел его голос в тёмном лесу.

Мы не слышали, что отвечал «диверсант», а близко подходить боялись.

Скоро мы свернули на ещё более тёмную тропинку, уходившую влево. Теперь незачем было прятаться за деревьями: и так в пяти метрах ничего не видно. Можно было ближе подойти к Тимоше и «диверсанту».

Тимофей долго молчал. Потом с расстановкой, коварным тоном спросил:

— Та-ак, дяденька... Значит, вы, дяденька,

из Свердловска недавно приехали. Интересно: где это такое, город Свердловск?

Тут впервые мы ясно услышали голос незнакомца:

— На Урале. Пора бы знать.

Этот голос, глухой и ворчливый, я где-то уже слышал. Во многих книжках герои встречают подозрительных незнакомцев со знакомым голосом, и всегда из этого выходит что-нибудь особенное. У меня ноги ослабели от волнения. А тут ещё Оська почему-то вцепился мне в руку выше локтя и крепко сжал её.

— Н-нда! — протянул Тимошка. — Прейхен зи дейч?

— Не «прейхен», а «шпрейхен зи дейч», — проворчал «диверсант».

— Странно, — тихононько забормотал председатель. — Знаете, товарищи... Удивительно знакомый голос...

— Да ну-у?

— Знаете... Я, конечно, может быть, и ошибаюсь, но только этот голос... очень похож на голос нашего соседа.

— Инженера? — сразу вспомнил я.

Оська утвердительно кивнул в ответ.

Долго после этого мы шли молча, прислушиваясь к разговору Тимошки с незнакомцем, который хмуро, неохотно отвечал на вопросы завснаба. Мы узнали, что он ездил в Пичужки, где установлена маленькая лесопилка, договариваться о получении партии

досок для Дома культуры, что доски ему согласны опустить, но что в этом мало толку: не хватает транспорта для их доставки.

Скоро Тимофей перестал расправляться. Как видно, он тоже всё понял и приуныл.

Я тронул председателя за плечо:

— Ося! Чего уж там!.. Скажи ему!

— Ну, как я ему скажу? Ты подумай, как я ему скажу! Уже километра два прошли!

Лес кончился. Потянулись сизые от света луны, словно дымкой затянутые поля. Стоило осёкиному соседу оглянуться, и он заметил бы нас. Но никто теперь не думал об этом. Мы плелись со своими топорами, еле передвигая ноги, чувствуя себя в таком идиотском положении, в каком ещё никто не бывал.

Тимоша некоторое время тащился молча рядом с инженером. Потом мы заметили, что он начал постепенно отставать от своего спутника. Вот он остановился!.. Вот принялся тихонько, тихонько пятиться назад!.. Не тут-то было! Инженер оглянулся.

— Вы что? — спросил он басом.

— Дяденька! Дяденька, я вас не туда завёл! — промкким, каким-то отчаянным голосом сказал завснаб.

— Гм! Как не туда завели?

— Я... Я нечаянно вас завёл. Потому что мы приняли вас за подозрительную личность и завели.

— Чудак! — пробормотал Андрей. — Сказал бы, что с дороги сбился.

То бочком, то пятясь задом, завснаб отступал к нам.

— Ребята! Знаете, какое ужасное, роковое совпадение!.. — начал было он.

— Знаем, — оборвал его Яшка.

Все увидели, что инженер тоже приближается к нам.

— Не понимаю, что вы говорите... «Куда-то завели...», «Подозрительная личность...» Что всё это?.. Гм!

Он остановился в нескольких шагах, оглядывая сквозь очки всю нашу вооружённую команду.

Яша вытолкнул Оську вперёд.

Держа в опущенной руке топор, председатель постоял молча перед инженером и, наконец, прошептал:

— Здравствуйте, товарищ Ковчегов!..

— Здрав-ствуй-те, — насторожённо произнёс инженер.

— Товарищ Ковчегов!.. Вы меня не узнаете?.. Знаете, Ося Димин!.. В одной с вами квартире... Товарищ Ковчегов, мы перед вами очень извиняемся, потому что получилась большая ошибка. Мы...

Оська долго и путано объяснял, в чём дело. И всё это время инженер Ковчегов молчал. Высокий, сутулый, с большим унылым носом, он стоял, глубоко засунув руки в карманы пальто, и смотрел сверху вниз на маленького Оську, изредка шевеля тёмносерыми усами. Молчал инженер и когда председатель закончил свои объяснения.

Одну за другой он расстегнул пуговицы пальто, извлек откуда-то завёрнутые в платок большие часы, развернул их, послушал, как они тикают, и долго рассматривал циферблат.

— Безобразие! — сказал он, медленно заворачивая обратно часы в платок. — Безобразие!

— Товарищ Ковчегов! Мы же... Вот, честное слово, мы же не из хулиганства, — сказал Тимошка, — вот мы сейчас все вас на станцию проводим.

Инженер медленно застёгивал пуговицы на пальто.

— Далеко отсюда до станции? — спросил он, ни на кого не глядя.

— Нет, товарищ Ковчегов. Не очень чтоб далеко. Оттуда, где мы с вами повстречались, километров шесть, а отсюда — восемь, ну, восемь с гаком.

— Опоздал на поезд. Четверть одиннадцатого.

— Так на поезд вы всё равно опоздали. Он, небось, часов в семь отходит.

— В одиннадцать пять отходит.

Помочаши. Тимоша пробормотал, что если ошибке бежать, то ещё, может, поспели бы, но инженер только засопел в ответ:

— Где дорога на Пичужки?

Мы сказали, что эта дорога ведёт в Пичужки.

Ковчегов сунул руки в карманы пальто.

— Безобразия! — прогудел он, уставившись очками в землю. — Безобразия! Издевательство над пожилым человеком!

С минуту мы смотрели ему вслед. У всех были грустные лица.

Вдруг Оська причулся, словно бегун на короткую дистанцию, и помчался за удаляющимся инженером. Потом мы увидели, что он идёт обратно, и не один: за ним следует инженер.

Никогда я не видел у Оськи такой весёлой физиономии.

— Вот и всё! Я всё уладил. Товарищ Ковчегов поедет с нами на плато и придет в город часов на шесть раньше, чем в поезде.

Все пришли в восторг. Только один инженер был ещё угрюмым:

— Гм! Что это, собственно, за плато? Сомнительно, знаете ли, чтобы на них быстрой.

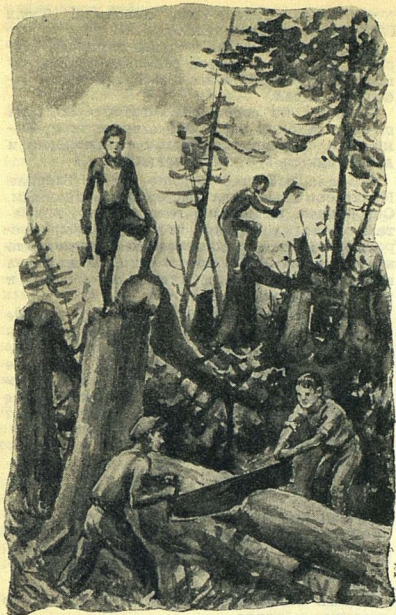
Мы хором стали расхваливать плато и уверяли инженера, что в один миг домчимся на них до города, словно это были не плато, а скоростные глассеры. Инженер пробормотал, что, пожалуй, больше ничего не остаётся.

Тимоша и Андрей побужали вперёд разводить костёр, а мы, окружив товарища Ковчегова, словно свита сказочного принца, повели его на стоянку. Всю дорогу Яша накручивал ручку своего прожектора, светя им под ноги инженеру.

У костра товарищ Ковчегов очень внимательно осмотрел пригтовленную для него постель и только после этого сел на неё. Мы ухаживали за ним изо всех сил. Тимофей нашел из котелка в кружку горячего чая, Андрей выкопал, отбёр и положил на газету перед инженером с десяток печёных картофелин, я добавил пару свежих огурцов. Товарищ Ковчегов извлек из кармана свёрток, развернул три бутерброда, один из них взял себе, а два протянул Оську:

— Угощайтесь!.. Чем могу.

Мы поблагодарили и отказались. Поужинав, товарищ Ковчегов снял шляпу, обмотал голову шарфом и лёг спиной к огню.



Утром мы снова приступили к работе.

Мы сидели тихо и некоторое время не могли понять, спит инженер или нет.

Осыка отполз в сторону и поманил нас.

— Здорово? — прошептал он.

— Здорово!

— Знаете, ребята, что это значит? — сказал Андрей, подняв указательный палец. — Это значит, что теперь он наш.

— Ага! Теперь его только сагитировать... Осыка, ты завтра с утра валяй агитируй его, а мы будем работать.

Но председатель ответил, что агитировать он будет, когда мы приедем в город и у инженера исправили настроение.

Мы решили не спать и с зарёю начать работу.

Рассвет приближался. Небо над нами было ещё тёмное, с яркими звёздами, но на востоке оно уже стало светлоселёным, и на нём резко выделялись чёрные ели.

Путевой дневник Осыки Димина

Утром мы снова приступили к работе.

Часам к девяти (вместо семи, по нашим расчётам) все двадцать пять брёвен были готовы. Ещё часа полтора мы возились по пояс в воде, увязая ногами в тине, подгоняя тяжёлые брёвна друг к другу. Связанные верёвками пласты получились хляпкими, каждое бревно болталось отдельно от остальных, но мы были довольны.

Мы всем вообще были довольны: и тем, что солнце успело обжечь нам спины, и тем, что от холодной воды кожа наша стала синей и пупыристой, как у ошпаненых куриц, и тем, что все перемазались клеейкой смолой и ободрались о многосудовые брёвна, которые, стучаясь между собой в воде, всегда готовы были отдавить нам руки. Никому не хотелось спать, может быть, от холодной воды, может быть, от пахучего лесного воздуха.

Но вот у Гаврилы Игнатьевича — так звали инженера — настроение было неважное. Он встал рано и сразу насуспился, узнав, что пласты ещё не готовы, что их ещё нужно вязать.

Он не спрашивал, зачем нам брёвна, и мы ему ничего не говорили. Он то стоял неподвижно, исподобья следя за нашей работой, то прохаживался по берегу, по-стариковски сгибая ноги и поглаживая рукой поясницу.

Но вот два пласта были готовы. Капитаном большего из них мы выбрали Яшу. Капитаном меньшего — Тимофея, который утверждал, что имеет большой опыт мореходства, потому что всю весну 1941 года плавал на оторванных воротах в Ершовом пруду.

Он назвал свой пласт «Алигатором», а пласт Яши, на котором должен был плыть командир эскадры Осыка, стал называться флагман «Варяг».

Яша встал на флагман большой чурбан — сиденье для инженера — и обратился к Гавриле Игнатьевичу:

— Пожалуйста! Садитесь.

Инженер подвигал усами, помолчал.

— Не знаю... Пожалуй, мне всё-таки лучше поездом. Я предполагаю, что это действительно пласты, а это, знаете ли... — и он потрогал ногой крайнее бревно.

Мы принялись убеждать его, что пласт очень прочный, что он лишь с виду такой хлипкий и что мы дольшём на нём до города часам к двум — трём дня.

Ковчегов постоял в раздумье и ступил на пласт, который так и заходил ходуном. Ворча что-то себе под нос, инженер постелил на чурбан свёрнутое пальто и уселся на него, держа спину прямо и положив ладони на острые колени.

Все мы, вооружённые шестью, разместились, стоя на пластах.

— Давай! Отвязывай! — командовал Яша.

Отвязали верёвки от кустов, к которым были привязаны пласты.

— Пр-раво руля, бом-брам-стенгя! Прраве на борт! — завопил Тимоша.

Мы оттолкнули пласты от берега.

— Пошёл помаленьку.

— Машина, полный вперёд! Ррруль под ветер! Осыка, товарищ адмирал! Какой курс держать?

Осыка достал компас и справился по нему, в какую сторону течёт река.

— Курс норд-норд-ост!

— Есть курс норд-норд-ост! Самый полный вперёд!

Мы заработали шестью, подгоняя плавающие по течению пласты. Сначала они плохо слушались нас: то становились к течению боком, то шли кормой вперёд, то вдруг утыкались в берег.

Но скоро мы научились ими управлять. Плоты прибавили скорость, и листья кувшинок, росшие у берегов, ветки деревьев над нашими головами быстро поплыли назад.

— Гм! — сказал Гавриил Игнатьевич.

Он оглянулся вправо и влево и потёр руки коленки.

Сначала мы все, вплоть до адмирала, толкались шестью, но потом решили разбиться на смены. Пока одна смена отбывала вахту, свободные члены команды лежали на тёплых клейких брёвнах, между которыми хлопала вода, и смотрели на дно мелкой речки, где бесшумно и, казалось, очень быстро проносились мимо тёмные коряги, всплывали и гасли белые половинки ракушек и бросались в стороны от плота едва заметные стайки рыб.

Однако Оська недолго дал нам бездельничать. Он придумал множество всяких штук, которые мы должны были проделывать, чтобы как следует изучить Уклею и потом опубликовать результаты научных трудов экспедиции в «Пионере» и «Пионерской правде».

— Извиняюсь, Гавриил Игнатьевич. Дайте, пожалуйста, на минуту ваши часы.

— Гм!.. Собственно... Зачем вам часы?

— Скорость течения измерить. И скорость движения плота.

Гавриил Игнатьевич достал часы, но Оське их не дал.

— Часы эти, знаете ли, мне очень дороги. Скажите, когда будет нужно, я замечу время. А в руки... Гм!.. Не хотел бы.

Я читал, что лаг — это инструмент, который укрепляется на корме судна для определения скорости хода. Но Оська предложил мне самому сделать лагом особой конструкции. Вернее, даже не лагом, а только одной его деталью.

Он достал катушку с ниткой, надел её на палочку, чтобы она свободно вертелась, и конец нитки дал мне:

— Прыгай в воду и стой неподвижно. Гавриил Игнатьевич, засеките, пожалуйста, время, когда он прыгает, и через пятнадцать минут скажите «стоп». А вы шестью не толкайтесь. Сейчас мы измерим только скорость течения.

Я бузтыкнулся с кормы и стал по пояс в воде. Нитка начала разматываться с катушки. Когда инженер сказал «стоп», я отпустил её конец и, бегом догнав плот, забрался на него. Оська измерил отмотавшуюся часть нитки и после долгих вычислений объявил:

— Скорость течения в этом месте — 3781,9 метра в час.

После этого адмирал приказал снова работать шестью. Он стал измерять скорость хода «Варяга» при работе одного мотора (шеста) и при работе двух моторов, и не просто скорость, а скорость среднюю, полную и предельную. Я прыгал, прыгал, весь посинел и, наконец, влетел в глубокий омут, где чуть не растаял с жизнью, потому что плаваю невзначай.

Все, конечно, очень волновались, когда «лаг» исчез под водой и долго не появлялся. Выбравшись из ямы, я увидел, что инженер стоит, широко расставив длинные ноги и поджавшись туловищем вперёд. Когда я забрался на плот, он снова сел и спрятал часы.

— Однако, знаете ли, довольно! Тут... Гм!.. и до несчастья недалеко.

Но мы продолжали изредка измерять скорость, вслух отсчитывая секунды, причём лагом теперь служили все поочередно, в том числе и адмирал.

Тимофей на своём «Аллигаторе» измерял шестом глубину реки. Оська время от времени садился на чурбан рядом с инженером и делал записи в путевом журнале.

Сначала всё шло хорошо. Даже Гавриил Игнатьевич выглядел уже не таким мрачным. Он, правда, ничего не говорил, но внимательно следил за всем, что мы делали, поворачиваясь всем туловищем то к одному, то к другому из нас, и пристально разглядывал каждого сквозь очки. Иногда он хмыкал и потирал ладонями колени.

Однако ниже плавание оказалось далеко не таким счастливым, как можно было предполагать. Вот записки из путевого журнала нашего начальника экспедиции. Написанные отрезком карандаша в старой тетрадке, поверх примеров на уравнивании, пропитанные солёной морской¹ водой, они представляют для историков очень ценный документ.

Путевой журнал

29 мая 1943 года, 12 часов пополудни. Курс прямо на зюд. Скорость течения — 3518 метров в час. Скорость хода — 5202 метра в час. Глубина фарватера — от 50 до 120 сантиметров.

Берега лесистые. Настроение команды и пассажира бодрое.

13 часов. Курс — норд-вест. По моим подсчётам, пройдено уже около двенадцати километров, но пока не замечено признаков близости города. Места незнакомые.

13 часов 35 минут. Курс — прямо на ост. Лесистая местность кончилась. Плывём среди полей. Никаких признаков жилья, за исключением нескольких деревьев на горизонте.

Испытываем жажду, но не рискуем пить воду из-за борта, опасаясь дизентерии. Ширина реки увеличилась втрое. Промеры лагом показали, что глубина — не выше колена, а во многих местах — по щиколотку.

14 часов 15 минут. Курс — норд-ост-норд. Произошло знаменательное событие. С борта «Аллигатора» раздался крик: «Человек!» На невысоком холме левого берега все увидели одинокую человеческую фигуру. Человек сначала стоял, не шевелясь, наблюдая наши суда в половинку бинокля, потом с криком, размахивая руками, побежал к воде. Он оказался участником экспедиции Александром Ивускиным. Идя по плану, нарисованному вчера капитаном Садиковым, он сбился с пути, всю ночь проблуждал в лесах и с рассветом достиг реки. Несмотря на голод и усталость, он решил выпоинить свой долг до конца и идти по берегу к городу, чтобы предупредить родных и близких о задержке экспедиции. Это

¹ Здесь увлечённый автор явно допускает неточность.

показывает твёрдость его характера, но нам от этого не легче. Настроение команды упало. Все боятся, что задержка экспедиции вызовет в городе панику.

Ивушкина приняли на борт «Алаигатора». Он испытывает муки голода. Увы! У нас нет больше ни крошки продовольствия.

15 часов 5 минут. Курс — зюд-зюд-вест.

Пришлось пожертвовать ниткой для лага и сделать из неё лески для удочек. Крючками служат булавки. Насадкой — мухи.

Время неизвестно.

Не решаясь спрашивать пассажира Ковчегова, который час, так как у него сильно испортилось настроение. Курс — норд. Пассажир Ковчегов утверждает, что мы его завезём «чорт знает куда», потому что река очень извилистая.

Вся команда находится в тревоге. Курс непрерывно меняется. Пройдено уже километров двадцать пять, но признаков города не видно и места попрежнему незнакомые.

Время неизвестно. Курс — зюд-зюд-вест. Доймали одного пескаря. Изжарить его не на чем, разводить костёр на берегу не имеет смысла.

Капитан Садиков перебежал на флагман, раздала пескаря на 10 частей и предложил каждому съесть его сырым, утверждая, что всем путешественникам приходится питаться сырым мясом. Он предложил пассажиру Ковчегову самый большой кусок, но тот попросил оставить его в покое.

Другие члены команды тоже отказались от пищи. Капитан Садиков съел всё сам.

Приблизительно через пять минут. Курс норд-вест.

Вижу на берегу деревню, сожжённую немцами. Одна только печные трубы, да возле них — землянки. Но кое-где уже строят дома.

Отдал распоряжение причалить.

Приблизительно через полчаса.

Курс — опять зюд. Продолжаем путь. Положение угрожающее. Деревня называется Ивановкой. Жители её сообщили нам, что отсюда до города сушей 27 километров, а сколько водным путём, — неизвестно. Пассажир Ковчегов решил было идти на железнодорожную станцию Раздолье, но оказалось, что до неё отсюда 31 километр. Произошёл очень неприятный разговор с пассажиром Ковчеговым. Он сказал, что его теперь привлекут к ответственности за прогул и что нужно выжить из ума, чтобы на старости лет связаться с такими людьми, как мы. Он решил кушить в деревне продовольствия, поесть и идти пешком в город. Но капитан Садиков сказал пассажиру Ковчегову, что он не дойдёт и что пусть он лучше останется на плоту, так как плоты будут плыть всю ночь и к утру всё-таки должны прибыть в город. Пассажир Ковчегов ничего не ответил, но на плоту остался.

Наблюдаю заход солнца.

Снова плывём в лесистой местности. Ширина реки — 6—7 метров. Небо заволкачивается тучами. Положение отчаянное. Большинство членов команды, измученных бессонной ночью и голодом, спит. Капитана Садикова сразило желудочное заболевание. Он коман-

дует «Алигатором», лёжа на спине и поджав к животу колени.

Солнце зашло.

Пишу в сумерках. Всё небо в тучах. Все спят, кроме капитанов, пассажира и меня. «Алигатор» плывёт впереди, никем не управляемый. Капитан Садиков временами издаёт стоны, но не теряет бодрости духа.

Пассажир Ковчегов оглашает воздух жалобами и проклятиями. Он говорит, что если бы он смог добраться в Пичужках транспорта для досок, то его опоздание на сутки можно было бы оправдать, но сейчас он возвращается ни с чем.

..Только что посоветовал ему доставить доски водным путём. Он как-то странно посмотрел на меня, ничего не ответил и впал в глубокую задумчивость.

Явно приближается шторм. Почти ничего не видно. Необходимо разбудить команду.

..Шторм вот-вот разразится — совсем темно. Слышу могучие раскаты грома. Вся команда работает. Флагман несётся по очень узкому фарватеру со скоростью восьми — десяти узлов.

Капитан Садиков, превозмогая страдание, тоже принял меры. «Алигатор» ушёл далеко вперёд и скрылся во мраке. Пишу, стоя рядом с капитаном Кривохижа на самом краю судна, при свете прожектора, который слабо, но освещает нам путь. Фарватер узкий и опасный. Много подводных рифов (коряг). На «Алигаторе» нет прожектора. Боюсь, что с ним произойдёт авая...

Водный путь из Пичужек в Энск

На этом путевой журнал начальника экспедиции обрывается. Флагман наелет на что-то и резко остановился. Оська со своим дневником и Яша с прожектором очутились в воде.

Ни фонаря, ни тетради они не потеряли. Но у динамика намочка обмотка, и она вышла из строя.

— Ничего! — бодро сказал адмирал, влезая на плот. — Пойдём в темноте. Слышите, как громыхает? Полный вперёд!

Он сунул раскисший дневник в полевую сумку. Мы налегли на шести, но плот не двинулся с места, а только повернулся.

— Крепко засел, — проворчал Кривохижа, — раздвайтесь!

Вся команда разделась и прыгнула в тёплую тёплую воду.

Мы забыли про голод, про усталость: такая была кругом грозная и мрачная обстановка. Стояя крошечный мрак. Лишь когда сверкала молния, мы видели узкую полоску неба в низких тучах, ветки огромных ив, висющие над головами, да тёмные заросли на берегу. Место было довольно глубокое, мне по груди, и казалось непонятным, что задерживает «Варяга».

Мы кричали, толкали плот, раскачивали его. Даже инженер как-то оживился и встал со своего чурбана.

— Гм! Поистине загадочный случай!.. Может быть, мне сюда перейти!.. Тогда этот край подымется!.. Собственно говоря, мне

бы нужно тоже... Я, знаете ли, сейчас разде-
нусь.

Но в это время мы нацупали корягу, тор-
чащую из глубины, и наконец освободили
флагман. Возбравшись на палубу, команда
надела сухое платье. Только адмирал с капи-
таном остались мокрыми после их купанья.

— Этак, знаете ли, простудиться можно, —
сказал Гаврила Игнатьевич.

— Ничего! Сейчас все вымокнут под дож-
дём. Полный вперёд! Нужно догнать «Алли-
гатора».

Оська был прав. Ско-
ро мы чуть не захлеб-
нулись: такой на нас
обрушился водопад.
Узкая речка то и дело
сверкала голубыми
всплесками, наверху
гремело и рокотало,
словно заградитель-
ный огонь зениток,
шум ветра и дождя по-
ходил на шипящий
свист несущихся в не-
бо снарядов. Фыркая и
чкая, мы торопливо,
вслепую ковырялись в
воде шестами. И вот
тут-то сквозь шум, гро-
хот и плеск все услы-
шали громкий бас:

— Гм! А вы знаете,
это мысль!

— Что-о? — прокри-
чал Оська.

— Я говорю, это хо-
рошая мысль, знаете
ли. Доставить доски из
Пичужек водой.

Блеснула молния. Я
увидел застывшие в
разных позах фигуры
ребят между светлыми
нитями дождя. Через
секунду где-то рядом
так грохнуло, что, ка-
залось, весь плот под-
прыгнуло.

— Их можно будет
связать пачками, знае-
те ли... Штук по пять.
А пачки в плоты (сно-
ва удар, от которого я
чуть не оглох). Ниж-
ний слой, несомненно,
отсыреет, но это не
опасно: погода жар-
кая

Только Оська изред-
ка растерянно подка-
кивал инженеру. Нам
было не до того.

Гроза быстро про-
шла. Скоро от шума и
грохота остался лишь
звук падающих с де-
ревьев капель да глу-
хие раскаты вдалеке.

Промокшие насквозь,
мы постукивали зуба-
ми.

— Гром и молния! — раздался в темноте го-
лос Тимоши. — Куда они делись? Стоп, ма-
шина! Готовь причал!

Как видно, Тимоша выздоровел.

Мы окликнули «Аллигатора» и тоже при-
стади к берегу. Плыть ночью в мокрой оде-
же было слышком холодно. Гаврила Игнатье-
вич первый сказал, что нужно разводить
костёр.

Мы высиделись на берег. И тут нам здорово
повезло.

За деревьями раздался рёв и вой автомо-



Мы чуть не захлебнулись: такой на нас обрушился водопад.

бильного мотора. Мы пошли на этот звук и увидели пятитонку, застрявшую в грязи на проселочной дороге, а возле неё — двух красноармейцев. С четверть часа мы помогали шофёру, рубя топорами сляги и подсовывая их под колёса.

Когда же машина выбралась из грязи и ушла, вся наша экспедиция вернулась к реке в самом прекрасном настроении. Гаврила Игнатьевич держал в руках фетровую шляпу, полную грязной картошки, и гудел:

— Поразительная удача, знаете ли!.. Просто поразительная!..

Столько же картошки было в кепке у каждого из нас. А у Якова в кармане лежали ещё десять кусочков сахара. Их почти насильно сунул ему шофёр, узнав, что мы не ели с утра.

На берегу, под густыми деревьями, нашлось сухое место для костра. Хворост, смоченный коротким ливнем, подымаи, пошипел и наконец разгорелся ярким пламенем, и от всех участников экспедиции пошёл пар.

В ожидании, пока наберётся достаточно золь, чтобы печь картошку, мы держали над огнём промокшие пальцы и болтали так, словно не было бессонной ночи, целого дня голодовки и работы пестами.

— Теперь, Гаврила Игнатьевич, вы покупаете, обсохнете — и можно в город пешком, — говорил Тимофей (от шофёра мы узнали, что до Энска по дороге не больше 10—11 километров).

Товарищ Ковчegov сидел, надев на руки ботинки и подставив к огню ноги в мокрых носках.

— Гм! Нет. Пожалуй, лучше остаться. Полезно, знаете, лично проследить характер реки. К тому же завтра воскресенье.

Мы объяснили Тимоше, что Гаврила Игнатьевич собирается сплавлять доски по реке. Завнаб пришёл от этого в телачий восторг, стал кричать, что это уже второй случай, когда взрослые перенимают его методы работы, и заявил, что если товарищу Ковчegovу нужно, то строительно выделит ему рабочую силу для доставки досок.

— Гм! Благодарствуйте, — медленно сказал инженер, — а что это за строительство?

— Восстановление школы-семилетки. Знаете, которая сгорела.

— Угу. Сомнительно только, чтобы ваше руководство согласилось выделит рабочую силу. Вы какого ведомства?

— Да мы никакого ни ведомства. И всё наше руководство тут: Оська — председатель, Яша — главный инж... ну, словом, вроде прораба, а я завснаб.

Товарищ Ковчegov пристально посмотрел на Тимошу:

— Так, так!.. Следовательно, у школы небольшие повреждения?

— Вся насквозь сгорела. Только стенки остались.

— Гм!.. Ну, а техническое руководство кто у вас осуществляет?

— Вот в том-то и дело, Гаврила Игнатьевич... Самим приходится осуществлять. Мучаемся, мучаемся, работаем, работаем, а руководящего нет.

Андрюшка поднял глаза к деревьям, вздохнул и сказал:

— Да, товарищи! Если бы хоть какой-нибудь инженер согласился нами руководить... Хотя часочка по два в день... А то — мучаемся, мучаемся...

Он опять принялся глубоко вздыхать, но тут Оська стал позвать за спинами у ребят и толкать их в бок.

— Бросьте свои намёки! — шептал он. — Рано ещё. Познакоимся поближе, тогда уж...

Мы переменили разговор. У каждого приличного мальчишка есть что рассказать у костра, пока печётся картошка и закипает вода в котелке. Пошли рассказы о приключениях в пионерских походах, о происшествиях в деревне, куда ребята ездили помогать колхозникам, о всяких случаях в эвакуации и во время боёв за Эиск.

Тимоша поведал о жутком переживании во время воздушной бомбёжки Энска. Он тайком от матери выбрался из убежища и пошёл в штаб МПВО просить, чтобы его приняли в связистом. Боясь осколков зенитных снарядов, он надел на голову глиняный горшок. По дороге горшок съехал завснабу на лицо до самого подбородка, и, как ни бился Тимоша, ему не удалось освободиться: мешали нос и уши.

Была ночь, кругом грохотали фугаски и визжали зажигалки, а Тимофей возился на пустой улице со своим горшком и даже кололся головой о стену дома. Потом его нашли санитары. Ответил домой и там раскололи горшок.

Картошка испеклась, вода вскипела. Все приумолкла, занявшись едой.

Съев с десятком картоп ж, инженер отбёр усы, взяла кружку с кипятком и медленно оглядел всех нас.

— Да-а! У меня, знаете ли, был аналогичный случай. Только не с горшком, а с деревянной бадьёй.

Мы даже есть перестали, чтобы лучше слышать.

— Как вам известно, существует утверждение, что из плубокого колодца можно днём увидеть звёзды. Так вот, мы с братом вознамерились однажды проверить это положение.

— Гаврила Игнатьевич, — сказал Оська. — Простите, пожалуйста, что я вас перебил. А сколько лет вам тогда было?

— Сейчас вам скажу, — инженер откусил кусочек сахара, отхлебнул из кружки и задумался. — Было это в тысяча девяносто первом году. Сейчас мне пятьдесят семь. Следовательно, тогда мне было двенадцать и брату — одиннадцать. Да-а! Пока я сиделся в бадью, брат кое-как ещё удерживал ворот. А спустить меня плавно не смог... Так вот, знаете ли, такова была сила падения, что меня всего втиснуло в бадью. Плечи, ноги, голова наружи, а все остальное — в бадью. Из колодца меня тут же извлекали. А из бадьи... знаете ли, пришлось расширять бадью.

— А... А звёзды так и не увидели? — спросил Саша Извущкин.

— Звёзды? Гм! Разумеется, не увидел. Позвольте ещё пожури!

Яша, Толя и Тимофей вскочили, чтобы налить инженеру кипятку.

— Благодарю! — Гаврила Игнатьевич уселся поудобнее и забасил громче и оживлённее:

— А вот что касается побегов из дома, так в наше время — всё больше в Америку или в Африку. Разумеется, с тем же результатом.

— Ловили?

— Именно. Меня шесть раз ловили. Впрочем, однажды сами вернулись: у брата зуб заболел.

— Расскажите, Гаврила Игнатьевич!

И Гаврила Игнатьевич начал рассказывать. Странно было думать о том, что вот этот усталый, обычно угрюмый дяденька был когда-то таким же мальчишкой, как мы.

А Гаврила Игнатьевич расхаживал всё больше и больше. Он смотрел куда-то поверх наших голов, и в глазах его, совсем изменившихся, плясали красные искорки от костра, и такие же искорки плясали на стёклах его очков. Он весь как-то распрявился, казался, стал ещё больше, чем прежде; всё сильнее жестикулировал, и огромные тени его рук металась по соседним деревьям.

— Меня, знаете ли, вся улица знала! — гудел он громким пудким басом и рассказывал нам о подкове под снежную крепость, о войне реалистов с гимназистами, о побеге в Северную Африку для охоты на львов и об исследованиях заброшенных склонов на кладбище, где, по словам суверенных старушек, таились привидения.

Одежда моя высыхала. Я совсем согрелся и прилёг, чтобы удобней было слушать. Но я слишком мало спал эти дни. Уже сквозь дрему до меня донеслось:

— А вот, знаете ли, ещё случай...

Проснулся я, когда солнце уже ярко светило. Все ребята ещё спали, а от костра остались кучки золы и чёрных головешек да чуть заметный синий дымок.

Позади себя я услышала плеск воды и фыркание. Я обернулась. В мелкой речке, погружившись по горло в воду, сидел Гаврила Игнатьевич. С усов его текла вода, волосы на голове прилипли к вискам и макушке. Он очень походила на моржа. Он посмотрел на меня:

— Присоединяйтесь! Знаете ли, освежает.

Проснулись и остальные ребята. Не разжигая костра, мы позавтракали оставшейся в золе картошкой, а потом Тимофей прокричал все морские команды, и «Варяг» с «Аллигатором» отвалили от берега.

После купанья Гаврила Игнатьевич остался в трусах. Он только надел на нос очки и повязал голову носовым платком, сделав четыре узелочка по углам.

Он уже не сидел на чурбане, а вместе с нами занимался промерами глубины, определял наглаз ширину реки и всё время расхаживал по шатким брёвнам:

— Так вы говорите, что до нас с вами никто не использовал эту реку как транспортное средство. Гм! Интересно! Возможно, что наша экспедиция действительно принесёт немалую пользу.

К полудню лес опять кончился, потянулись луга и поля. В одном месте, у берега, среди жёлтых цветов одуванчика, лежал на боку немецкий танк, и по нему мы узнали знакомые места. До города оставалось не больше двух часов пути. На наших плотах поднялось такое ликование, какое поднималось на

старинных каравелах при виде земли. Но оно длилось недолго.

Выйдя из леса, река широко разлилась. Повсюду желтели пещаные отмели, только слегка прикрытые водой. За какие-нибудь двадцать минут мы сели на мель три раза. Гаврила Игнатьевич, высокий, худощавый, белокожий, вместе с нашей загорелой командой шлёпал по воде, стаскивая плоты с отмели, а когда они пляли, разглядывал реку и озабоченно хмыкал:

— Гм! Да, знаете ли... Можно сказать, решается судьба экспедиции. Если эти последние километры непроходимы, то... Гм!..

В это время шедший впереди «Аллигатор» сел на мель. Нас несло прямо на него.

— Левее! Ещё левее! Левее на борт! — заргмел Гаврила Игнатьевич; мы поняли, что нам грозит: если «Варяг» ударится о тимошин плот, он так засадит его на мель, что потом много будет возни. Мы стали отгонять «Варяга» влево, но там тоже оказалась мель.

— Стоп! Право на борт! Стоп, машина! Табаны!.. Табаны, говорю!

Мы толкнули плот вправо, потом упёрлись шестью в дно, стараясь затормозить. Но течение на мелководье было быстрое. Нас волочило к «Аллигатору».

Андрюшка и Оська соскочили в реку, сели на дно и уцепились за корму «Варяга». Но такой якорь не помог. Их тоже потащило вперёд. В суматохе я заметил каких-то людей на берегу, слышал какие-то голоса, но не обращал на них внимания.

Мы были уже в трёх метрах от «Аллигатора». Но тут тимошина команда спрыгнула в воду, упёрлась в «Варяга» спереди, мы общими усилиями остановили флагман и осторожно посадили его на мель рядом с «Аллигатором».

Гаврила Игнатьевич выпрямился и повернулся к нам:

— Да, знаете ли!.. Это была бы катастрофа.

— Осип! Осип! Отзовёшься ты, наконец, или нет?! — донёлся женский голос с берега.

Все повернули головы. На берегу стояли Анна Фёдоровна, моя мама, андрюшкина старшая сестра Вера и Платон Иванович, одетый в длинную толстовку из сурового холста и чёрные брюки. Он придерживал у носа пенсне и смотрел на инженера.

— Так, так, Николай! — сказала моя мама. — Очень мило! Очень хорошо! — она достала из кармана жакета платок и вытерла глаза.

— Ну, Адька!.. Теперь тебе дома будет! — сказала Вера, качая головой.

Один за другим мы побрели к берегу плотычег нагоняя.

— Ну, есть ли у тебя, Осип, что-нибудь, кроме ветра, в голове? — низким голосом говорила маленькая полная Анна Фёдоровна. — Миллицию на ноги поставили!.. Весь город в волнении был, пока эта ваша Галина не перестала врать, будто не знает, куда вы делись.

— Нехорошо, голубушки. Очень нехорошо, — твердил Платон Иванович. — Нужно же более бережно относиться к своим близким. Особенно в наши трудные, военные дни. И к вам, товарищи... Простите, не знаю вашего имени, отчества... И к вам обращаюсь. Ну как, в самом деле, можно увозить детей поч-

ти на трое суток, не предупредив об этом родителей?

Гаврила Игнатьевич не перешёл с нами на берег. Он надел брюки, платно запахла пахлято на голой груди и шевелил теперь усами, глядя из-под полей шляпы.

— Да, товарищ Ковчегов! — подтвердила Анна Фёдоровна. — От кого, от кого, а от вас не ожидала такого легкомыслия. Мы две ночи не спали. А сегодня, вместо того чтобы отдохнуть в воскресенье, прошли восемь километров, разыскивая детей.

Гаврила Игнатьевич сунул руки в карманы пальто, поднял плечи:

— Я никакого отношения к этим детям не имел и не имею, — проговорил он прежним глухим и ворчливым голосом.

— Ну, это просто уж смешно! Как будто мы маленькие, товарищ Ковчегов! Дня три — четыре тому назад, утром, вы с чём-то совещались с этим вот молодцом, — она кивнула на меня. — Все дети, кого ни спросишь, говорят, что вы дали им своё согласие...

— Никакого согласия не дава и никакого отношения к этим детям не имею, — уже совсем сердито сказал Гаврила Игнатьевич.

Платон Иванович как-то странно переглянулся с Анной Фёдоровной и моей мамой. Анна Фёдоровна пожалала плечами. Учитель обратился к Ковчегову.

— Позвольте! Виноват, товарищ, — сказал он с расстановкой. — Вы хотите сказать, что не собирались руководить восстановлением школы, организованным детьми?

— Именно.

Пришлось нам рассказать, как я по ошибке влез к инженеру в окно, как Оська наврал о его согласии помогать нам в строительстве, надеясь потом на самом деле уговорить его, и как мы встретили товарища Ковчегова.

Когда мы кончили рассказывать, вид у Платона Ивановича и обоих мам был не то, чтобы смущённый, а какой-то озадаченный.

— Вот тебе раз, Платон Иванович! — негромко протянула Анна Фёдоровна.

Тот в раздумье заложил руки за спину и опустил голову:

— Мм-да! Это большая неожиданность. Очень большая неожиданность. Придётся, как говорится, принять факт как таковой и... Я думаю, пора собираться в обратный путь.

Анна Фёдоровна сказала, что нужно сначала отдохнуть, что она уже ног не чувствует. Тимоша предложил всем плыть на плато, и мы, конечно, поддержали это предложение. Учитель и мамы согласились, но Вера заявила, что должна доставить Андрюшку домой как можно быстрее, и ушла с ним.

Мы перенесли на «Аллигатор» чурбан и усадили на него обеих мам. Снять плато с мели оказалось делом нетрудным. Мимо опять поплыли то глинистые, то песчаные невысокие берега, полосатые поля картошки, поля ржи и овса, по которым ветер гнал медленную зыбь.

Платон Иванович как-то незаметно очутился рядом с инженером.

— Простите, товарищ... Ваше имя, отчество, — сказала он, стоя колом к Ковчегову и искося поглядывая на него.

— Гаврила Игнатьевич.

— Очень приятно. Платон Иванович Кудрявцев, Преподаватель литературы. Так, следовательно, вы, Гаврила Игнатьевич, не собирались помогать ребятам в восстановлении школы?

— Не собирался, — проворчал инженер, глядя на воду.

— Гм!.. Так, так!.. — Платон Иванович надел пенсне на нос, но тут же снял и сунул обратно в карман. — Жаль! Очень жаль! А мы, по правде сказать, очень и очень рассчитывали на ваше участие в восстановлении школы...

— Что-о? Платон Иванович! Какой школы? — Оська прыгнул через весь плот к нему.

— Нашей, нашей школы. А какой же ты думал?

Все побросали шесты. Все окружили Платона Ивановича, засыпали его вопросами. Но он сделал серьёзное лицо, захопал в ладоши, возвысил голос:

— Уважаемые товарищи! Приучайтесь вести себя как цивилизованные люди! Где бы вы ни находились, в классе или на плоту.

Мы сразу утихла. Помолчал немного, Платон Иванович серьёзно, очень по-деловому заговорил:

— Положение следующее, дорогие мои. Ещё во время своей болезни я узнал о вашем начинании и чрезвычайно этим заинтересовался. Оправившись от болезни третьего дня, я переговорил об этом с некоторыми родителями. Тут должен вам сказать, что большинство из них было настроено против вашей затеи, считая её невыполнимой. Однако, по зрелом размышлении, мы пришли к следующему выводу: всё это будет вполне выполнимым, если родители сами примут участие в строительстве наряду с учениками. В райкоме комсомола и в районе очень приветствуют эту мысль.

Теперь уже Платон Иванович ничего не говорил о «цивилизованных людях». Никогда я не думал, чтобы пятеро мальчишек могли так громко кричать «ура». На «Аллигаторе», пледшем в сотне метров впереди, завоновались. Тимоша принялся смотреть на нас в лоповинку бинокля. Увидев это, Яков стал на руки и начал сигнализировать ему ногами. Скоро и с «Аллигатора» донеслось «ура» и капитан Садиков проделал такую же штуку, как Яшка. Сквозь шум и гам я услышала какие-то очень странные, глухие, кудахтающие звуки. Это смеялся товарищ Ковчегов, смеялся сдержанно, не разжимая рта.

Но вот все утихло и повернулось к инженеру. Он сразу насунился. Мы ждали. Гаврила Игнатьевич с минуту рассматривал что-то на берегу и шевелил усами.

— Гм! Собственно говоря... Свободное время у меня, знаете ли, бывает. Если горисполком не будет возражать...

Он вдруг повернулся и с испуганным лицом уставился вниз по течению.

— Табаны!.. Табаны!.. Стоп, машина!..

Впереди, совсем близко от нас, сидел на мели «Аллигатор». Нас несло прямо на него. Там ругался по-английски капитан Садиков, отчаянно суеился команда и что-то кричали две испуганные мамы.

На сборе дружины

Солнечный летний день. В лесу, у открытого блиндажа, группа ребят. Немного в стороне часовой. Тишина. Часовой вдруг вскакивает винтовку:

— Стой! Кто идёт?

Перед нами штаб. Отряд «северян» готовится к наступлению. Военная игра пионеров в самом разгаре.

Так начинается новая постановка Центрального детского театра «Особое задание».

Интересно посмотреть эту пьесу, интересно поговорить о ней. Пионеры 471-й женской и 368-й мужской школ посвятили этому сбор дружины. В гости к ребятам приехали артисты, игравшие в спектакле, и автор пьесы Сергей Владимирович Михалков.

Мы приглашаем на сбор и вас, послушайте, о чём говорили ребята.

Вася — плохой командир

Это очень интересный спектакль. Я всё время переживал борьбу «южан» и «северян». Победила Южная группа, потому что она действовала очень организованно. А командующий «северян» был какой-то беспечный, его действия неосторожны и неправильны: пленных он поместил



Артистки Червышёва и Кудрявцева, С. В. Михалков и директор Центрального детского театра К. Я. Шах-Азизов на сборе дружины 368-й школы.

под террасой, мимо которой ходят люди, карту и знамя спрятали в водосточную трубу, штаб оставил без охраны: «южане» могли напасть и захватить его в любую минуту. За свою беспечность он и поплатился.

Денискин Юра — 4-й «А» класс

Вот это настоящая игра!

Мне очень понравилось, что Женя Хват в военной игре действует так, словно происходит настоящая война. Женя — смелая, сообразительная девочка. Её не пугают опасности. Переодевшись мальчиком, она добывается, чтобы её назначили разведчиком. Она проникает в штаб «противника», который располагался на одной из дач. Там Женя очень хитро выпытывает ряд важных све-

Как я ставил «Особое задание»

И. М. Рапопорт,
заслуженный деятель искусств
РСФСР

Однажды мне позвонил Сергей Владимирович Михалков и сказал, что он написал новую пьесу. В тот же день я прочёл её. Пьеса оказалась очень интересной и живой. Мне понравилось, что ребята в ней не «книжные», а настоящие, что поступки их, действия и разговоры показаны так, как это бывает в жизни.

Но даже если пьеса хороша и нравится постановщику, воплотить её на сцене — дело трудное. Мы

долго работали вместе с Михалковым над постановкой. Нам хотелось, чтобы само «задание» было как можно трудней, чтобы борьба отрядов была вынесена на сцену, чтобы характеры героев были даны как можно ярче. Так появилась в пьесе сцена в танке, которая была дописана Михалковым. Кто займёт танк, тот овладеет ключевой позицией. Разведчица Женя в тылу врага выведает о танке и со своими бойцами заняла его. Этим мы сделали образ Жени ещё смелей, дали ей возможность совершить свой главный подвиг в военной игре.

Затем я приступил к постановке «Особого задания», то есть к переносу пьесы с бумаги на сцену. Я хотел сделать спектакль весёлым, жизнерадостным, красочным и увлекательным. Сделать так, чтобы

в участниках военной игры ребята узнали самих себя. «Вот так было или могло бы быть с каждым из нас» — такое чувство должно появиться у смотрящих спектакль.

Мы собрались с актёрами за столом и стали читать пьесу по ролям. Я рассказал им, как понимаю характер каждой роли. Мне было важно, чтобы актёр сумел не только «перевоплотиться» — сыграть вас, ребят, — но и представить себе, каким будет каждый из ребят, когда вырастет: только тогда можно правильно показать характер героя, создать по-настоящему правдивый образ.

Я старался возбудить в актёрах настоящее, искреннее увлечение игрой, как это бывает у ребят, как это дано в пьесе. Нужно было, чтобы каждый исполнитель проникся своей ролью, создал, как гово-



Женя Хват — артистка Чернышёва.

дений от сестры командира группы «противника». Она узнаёт намерения и планы командования Северной группы и похищает их боевое знамя. Узнав о старом танке, который находился в колхозном саду, Женя вместе с другими бойцами «укрепилась» в нём, создав там сильную «огневую точку». Это окончательно решило победу в пользу «южан». Артистка Чернышёва очень хорошо сыграла роль Женю Хват.

Субботин Мартин — 7-й «Б» класс

Женя не уступит мальчику

В этом спектакле показаны разные ребята: смелые и трусливые, живые и честные. Действия Женю Хват покорила нас всех. Она с честью выполнила «особое задание». Образ Женю доказывает, что девочка может выполнять ответственное поручение не хуже любого мальчика.

Бологина Нина — 7-й «В» класс

Почему Вера скучно?

Я хочу сказать о Верочке, сестре командира Северной группы. Верочку совсем не привлекает военная игра. Она любит играть в куклы и секретничать с подружками. Она разбалтывает военную тайну разведчице «южан» Жене Хват, с

которой только что подружилась, и этим помогает «южанам» одержать победу. Но в конце пьесы Вера понимает, что скучно жить одной, когда вокруг такие дружные ребята. На именины Веры никто, кроме трусливого Серёжи, не приходит, все чем-то заняты, а она скучает. И Вера просит ребят принять её в свой коллектив.

Когда смотришь на Верочку, как-то яснее видишь, каким не надо быть и что надо делать, чтобы исправиться.

Никитаев Толя — 7-й «А» класс

Учитесь у Миши

Пьеса учит нас, какими качествами должен обладать пионер. Мне больше всего понравились Женя Хват и Миша, командир «южан». Он организован, строг, требователен к себе и другим. Он заставляет пионера Бобика Палькина эternости и положить на место взятые в колхозном саду яблоки. Все ребята слушаются Мишу и стараются следовать его примеру.

Денисова Катя — 7-й «А» класс



Верочка Кузнецова — артистка Бакакина.



Миша Лозников — артист Зайцев.



Вася Кузнецов — артист Заливин.

рят, художественный сценический образ. Иначе, если мы сами не будем захвачены жизнью на сцене, как же мы увлечём и заинтересуем наших зрителей?

В первую очередь необходимо было обратить внимание на роль Женю Хват. Мы хотели показать обыкновенную девочку-школьницу, внешне, быть может, ничем не отличающуюся от сотен других, но обладающую сильным, настоящим в достижении своей цели характером. Она умна, находчива, решительна. Всегда верна своему слову и в то же время скромна, отзывчива, прекрасный товарищ. Но вы не думайте, ребята, что сыграть такую обыкновенную девочку легко. Роль создаётся не сразу. Это сложная и длительная работа. Мы, например, долго бились с Чернышёвой над сценой в третьем акте,

когда Женя, обидевшись на ребят, кричит: «Я девочка, я сто раз девочка!» Это вначале получалось у неё зло или слишком нервно, наигранно. А нужно было добиться, чтобы тут звучала гордость Женю за свой поступок, чтобы она как бы говорила за всех девочек: и мы не хуже можем стоять на своём месте. Или сцена, когда она говорит Мише: «Как не стыдно, разве я не выполнила задания?» — тоже долго не удавалась нам. Мы не хотели показать слабость обиженной девочки или слёзы, а хотели сделать именно так, как в конце концов получилось: поставить перед ребятами просто, сдержанно, но сильно вопрос, на который им нечего ответить. Тем более скромно и просто это должно было получиться, что после осуществления героического задания Женя вновь становится

обыкновенной, ничем не показывающей своего значения в пьесе девочкой.

Поведение Сержика во втором акте долго и упорно искали на репетициях. Надо было показать, что, увидев Женю, Сержик стремится улизнуть с именин. Так возникли у нас ряд встреч его с Васей и ряд действий без слов — перелезание через баллостраду и т. д. Все эти «немые» сцены для артистки Кудрявцевой, игравшей Сержика, столь же важны, как и слова её роли.

Из этих кусков, вернее из непрерывной линии поведения образа, и складается исполнение роли в целом.

Так, от ёлочки к ёлочке, путём длительной работы, растёт и зреет роль у актёра, прежде чем быть показанной в готовом виде зрителю.



Серге́я Климов — артистка Кудрявцева.

Серге́е нельзя доверять

У Серге́е Климова (бойца «южан») много недостатков, которых не должно быть у советских ребят. Серге́е играет в военную игру несерьёзно. В «войне» его интересуют только ордена и благодарности, а роль простого солдата ему не по душе. Серге́е бросил оружие и свой пост, чтобы попасть на именины и поесть сладких пирогов. Он совершил преступление, и за это его наказали: все ребята от него отворачиваются, ему не доверяют ни «южане», ни «северяне».

Меркулов Геня — 7-й «Б» класс

Наши ребята решительнее

Мне кажется, что некоторые мальчики в этой пьесе похожи на наших мальчиков. Например, командир «южан» Миша очень медлит с наступлением. По-моему, такая нерешительность отсутствует у ребят нашего поколения. Потом мне кажется неправдоподобным, что Серге́е не исключили из игры. Он дезертировал, а такие поступки прощать нельзя.

Воронцов Юра — 7-й «А» класс

Говорит Сергей Владимирович Михалков

В детстве я со своими товарищами часто играл в «войну». Но если раньше мы играли без всякого плана, безо всякой предварительной подго-

товки, то теперь мне захотелось показать игру, которая рассчитана на решение какой-то тактической задачи. Я решил показать игру, в которую могут играть сейчас пионеры. Такая игра воспитывает в ребятах волю, дисциплину, мужество. Но мне не хотелось, чтобы ребята разделились на «наших» и «немцев»! Участники этой игры скорее должны напоминать спортсменов на футбольном поле! В игре — противники, после игры — друзья. Это — соревнование двух сторон, а не война с противником.

Ваши отзывы о спектакле — это оценка всей нашей работы. Писать пьесу трудно, ставить тоже трудно. Отдельные ошибки, конечно, есть и в спектакле и в пьесе.

Часто на репетициях можно упустить какую-нибудь мелочь, которую сразу заметит свежий глаз зрителя. Ваши замечания очень помогают нам. Вы сказали много полезного, что я учту и в этом спектакле и в следующих.

По-моему, эту пьесу могут ставить сами ребята у себя в школе. Мне бы хотелось приехать к ребятам в гости и увидеть такой спектакль.



Сцена из 2-го действия. Бойцы Южной группы Костин (артистка Вахонина) и Вовка (артистка Иванова) в пьесу у «северян».

Но спектакль создают не только постановщики и актёры. За своим рабочим столом трудятся художники-оформители, декораторы, композитор.

Художнику мы предлагаем планировку — расположение, которое необходимо для проведения действия. Он делает эскиз в красках и макет — маленькую, игрушечную сцену, которую исполнительская бригада художников и плотников переносит на большую сцену.

А композитор пишет музыку. Это тоже необходимый элемент спектакля, его «внутреннее» оформление. Музыка помогает раскрыть образ, создаёт «настроение», останавливает внимание зрителя на отдельных сценах. Например, в первом акте, когда Женя, уходя на выполнение задания, прощается с остающимися ребятами пионерским

приветом, за кулисами звучит боевая песня. Этим я хотел добиться значительности сценического «куска», показать, что задание для Жени — не шутка, не игра, а большое, ответственное дело.

В лесной картине первого акта я хотел, чтобы воспоминания Жени о погибшем отце были выделены, глубже восприняты зрителем. Для этого мы ввели сюда далёкую песню на баяне, которая напоминала бы ту обстановку, в которой жил женин отец на фронте.

Наступает день первого представления. Зал полон зрителей, раздвигается занавес. В этот момент все мы испытываем большое волнение. Сейчас мы впервые почувствуем и поймём, как воспринимает нашу работу зритель. Я слежу и за игрой актёров: выходит ли у

них то, что было найдено на репетициях? Мне хочется как бы помочь каждому на расстоянии, вложить в него уверенность, если он излишне волнуется. Я слежу за обстановкой сцены, начиная с общего вида, кончая мельчайшими деталями; за музыкой, за её звучанием в точно установленных местах и за массой мелочей, часто не замечаемых зрителем, но от которых зависит цельность и стройность спектакля.

Вместе со зрителем как бы заново начинаешь следить за ходом спектакля, за судьбой его персонажей, и тем большее творческое удовлетворение испытываешь, когда видишь, что пьеса, её действие и смысл раскрываются именно так, как это было задумано, что спектакль хорошо воспринимается и увлекает зрителей.



НАША ПЯТИЛЕТКА



В прошлом году весной мы составили свой юннатский пятилетний план. Мы посадили в нашем саду восемьдесят вишен и яблонь, двести кустов малины, столько же смородины. Купили кроликов. Весной этого года мы купим три или четыре пчелосемьи и будем учиться пчеловодству.

У нас хороший живой уголок. Всю зиму мы наблюдаем за кроликами, голубями, лягушками и цветами. Мы сами делаем препараты и пособия для уроков биологии, зоологии и ботаники.

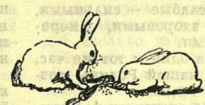
Летом мы работаем на огороде и в саду. В прошлом году нам удалось интересный опыт: созрели фасоль и кукуруза, которые обычно не вызревают в нашей области. Раньше нам не удавалось этого добиться. Мы собрали хороший урожай картофеля: с одного килограмма клубней — сто пятьдесят шесть килограммов картофеля.

Сейчас мы готовим парники, чтобы к первому мая вырастить цветы, а к выпускному вечеру в школе — огурцы, томаты и землянику.

В летние каникулы мы поедем в Мичуринск. Там учится наша бывшая юннатка Вера Морозова. Мы посетим мичуринский питомник. Потом поедем в питомник на станцию Пачелму, Пензенской области, и в Москву, на Центральную станцию юннатов. Мы хотим, чтобы наш юннатский сад и всё другое, что мы надумали, было самым лучшим в области. Денег для этих поездок мы от школы не потребуем. У нас есть свои средства от доходов с участка. Пять тысяч рублей у нас есть уже сейчас.

Пройдёт пять лет, мы окончим школу и будем приходить в гости в свой густой, тенистый сад.

Г. Кошкардовская, В. Дольников, Н. Кошелев, А. Петрухин — юннаты Анненковской средней школы, Кузнецкого района, Пензенской области



Прекрасное дело затеяли юннаты Анненковской школы, письмо которых мы здесь печатаем, — настоящее пионерское дело. Мы уверены, что через пять лет при школе будут и большой сад, и богатый пчельник, и многое другое. Именно к таким ребятам обращался Иван Владимирович Мичурин незадолго до смерти, когда писал:

«Мои юные друзья... шестьдесят лет я работаю над улучшением растений. Говорят, что я очень много сделал. А я бы сказал, что не так уж много, по крайней мере, в сравнении с тем, что можно и надо ещё сделать. Многое придётся сделать следующим поколениям, в частности вам, мои юные друзья».

Нас очень обрадовало письмо друзей Мичурина из Анненковской школы.

Украстить садами свою Родину — большая и благородная задача. И как много могут сделать все пионеры нашей страны, если каждый из них посадит хотя бы одно фруктовое дерево! Вот давайте это и осуществим!

Принимайтесь за дело теперь же. А мы поможем вам практическими советами. В каждом номере журнала вы найдёте страничку садовода с ответами на ваши письма и вопросы.

Пусть к концу четвёртой пятилетки в нашей стране зацветут миллионы яблонь, выращенных пионерами.

Чудесный доктор

Д. Алексеев

Рис. А. Брея

В ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА

В Москве живёт человек, который каждый день получает больше писем, чем мы с вами получим за целый год. На конвертах видны штемпели всех почт нашей страны. Вот письмо из Киева, вот — из Баку, а вот — с далёкого Шницбергена.

Но самое интересное то, что написано в этих письмах. Один человек пишет, что он был очень толстым и ему было трудно подняться по лестнице. Теперь он похудел и легко взбегаёт на свой четвёртый этаж.

Другой пишет, что он был очень худым и слабым, а теперь пополнил и чувствует себя вдвое сильнее.

Третий раньше очень часто болел гриппом. Теперь он ходит по улице без капош, спит с открытой форточкой и всё-таки не простужается.

Четвёртый был таким раздражительным, что домашние боялись с ним разговаривать. Чуть что, он выходил из себя. А сейчас у него всегда весёлое и бодрое настроение, и он снова стал шутить и смеяться.

Вы, конечно, решили, что человек, который получает все эти письма, — знаменитый доктор, а пишут ему его пациенты.

На этот раз вы ошиблись. Этот человек — инструктор физкультуры. Зовут его Николай Лаврентьевич Гордеев. Ни одного из авторов писем он не только не лечил, но даже никогда не видел.

Но все они благодарны ему за то, что он научил их заниматься утренней гимнастикой. Утренняя зарядка — это то чудесное средство, благодаря которому толстые становятся тонкими, слабые — сильными, болезненные — здоровыми, нервные — спокойными.

Каждое утро, в один и тот же час, над просторами нашей Родины раздаётся весёлый голос:

— Доброе утро, товарищи! Начинаем урок гимнастики...

Сотни тысяч громкоговорителей повторяют эти слова. Нет такого города, села, посёлка, где бы к ним не прислушались. Они звучат и в занесённой снегом зимовке на полярных островах и в заитом утрен-

ним солнцем крымском санатории, в квартирах рабочих домов и в студенческих общежитиях, в будке железнодорожника на заброшенном в степи полустанке и в клубике советского корабля, бороздящего волны далёких морей.

Любопытно было бы взглянуть в этот момент сверху на всю нашу страну.

Мы увидели бы, как повсюду, услышав знакомый энергичный голос, вскакивают с постели разбуженные люди и, слегка побиваясь со сна, потягиваются и улыбаются. Мы увидели бы, как, повинуясь голосу невидимого друга, сотни тысяч людей, разбросанные на многие километры друг от друга, в одно и то же мгновение распахивают окна, становятся лицом к окну и начинают медленно расправлять руки, глубоко вдыхая свежий утренний воздух.

— Ну, энергичнее! Раз-два, раз-два, раз-два...

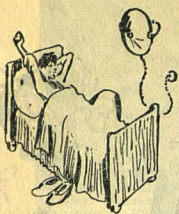
Казалось бы, как хорошо поспать ещё полчаса! Ведь утренний сон так сладок, а впереди — большой трудный день. Стоит ли задавать себе лишнюю работу: сгибаться и разгибаться, калянаться и приседать?

Но недаром у нас называют утреннюю гимнастику «зарядкой». Эти десять — пятнадцать минут заряжают человека энергией на целый день.

Утренняя зарядка — это особая гимнастика, состоящая из таких упражнений, которые помогают нашему телу перейти от состояния ночного покоя к активной дневной жизни. Зарядка заставляет нашу кровь быстрее бежать по сосудам, суставы — расправиться, мышцы — наполниться силой, лёгкие — сильнее вдыхать воздух. В человеке просыпаются бодрость, весёлое, хорошее настроение, желание работать.

Зарядка нужна не только человеку. Вы видели, как просыпаются собака или кошка? Они прежде всего потянутся всем телом, расправят сначала передние, потом задние лапы, выгнут спину. Так животные делают свою утреннюю зарядку.

Но человеку, особенно нужна утренняя зарядка. В современной жизни многим из нас всё меньше



приходится пользоваться своими мускулами. Всё меньше работы выпадает на долю наших ног: поезда, трамваи и автомобили перевозят нас с места на место, и даже по лестнице мы поднимаемся на лифте. Тысячи машин оставляют всё меньше работы нашим рукам.

Для того чтобы дать необходимую нагрузку своим мускулам, чтобы поддерживать себя в здоровом и крепком состоянии, надо заниматься утренней гимнастикой. Надо всегда помнить поговорку древних римлян: «В здоровом теле — здоровый дух».

Но зарядка нужна и тем, кто много работает физически. При любом труде заняты далеко не все мышцы и далеко не все мускулы работают одинаково. Чтобы наше тело жило гармоничной жизнью, надо любой труд дополнять гимнастикой.

СТАДИОН НА ЛЬДИНЕ

В 1937 году советский ледокольный пароход «Георгий Седов» отправился в отважное путешествие. 812 дней судно дрейфовало в тяжёлых льдах Арктики. Пятнадцать моряков несли на нём бесценную вахту в суровых условиях полярной зимы.

На холодном судне, скованном льдами, советские люди прожили почти три года. Они не только жили в замкнутых кубриках, но и напряжённо работали на морозе, в темноте, а порой и по пояс в ледяной воде. 153 раза на судно наступали льды, грозя разломить его в щепки, и каждый раз седовцы отражали эти атаки стихии. Иной раз такие авралы продолжались сутками; топорами и ломками седовцы прорубали дороги во льду и на руках переносили в безопасное место сотни пудов аварийных запасов.

И всё же на Большую землю советские моряки вернулись такими же здоровыми и жизнерадостными, какими они уходили три года назад в своё плавание. Победить полярные ночи им помогла их крепкая физическая закалка и непрерывные занятия физкультурой и спортом в течение всего дрейфа.

В первое же утро ледового плена врач «Седова» Соболевский вызвал

всю команду ледокода на палубу для гимнастики. Каждый день седовцы занимались на морозном воздухе зарядкой, иногда заменяя гимнастические упражнения тасканием снега, из которого они переталивали воду для питья.

Надувая резиновые лодки, седовцы устраивали гонки в огромных полярных, окружавших их льдину. На занесённых снегом ледяных полях они проводили лыжные соревнования.

К концу дрейфа возле «Седова» вырос целый ледяной стадион. Зимовщики оборудовали на льду большой каток, волейбольную площадку, тир, яхт-клуб с байдарками и резиновыми лодками.

На своём стадионе седовцы проводили первые в истории футбольные матчи на льду полярного бассейна

Каждый пионер должен заниматься физкультурой. Она помогает ему укрепить и закалить своё здоровье.

Зарядка — это то первое, с чего надо начинать. Для зарядки не нужно ни гимнастического зала, ни стадиона, ни спортивных принадлежностей.

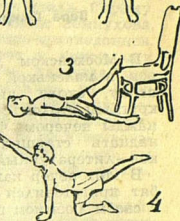
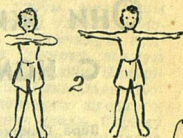
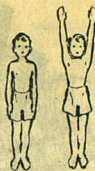
Если у вас есть радио, возьмите себе за правило каждое утро, услышав сигнал, открывать форточку и в одних трусиках и тапочках делать на коврик у кровати те упражнения, которые вам предлагает Николай Лаврентьевич Гордеев. Он проводит свои уроки «гимнастики по радио» каждый день в 6.25, 7.15 и 8.15 утра.

Если же радио у вас нет, то пусть каждый пионер вашего звена выучит те упражнения, которые здесь нарисованы художником. Затем вожакий звена должен собрать всех пионеров и проверить, правильно ли они выполняют эти упражнения. А потом ребята будут делать зарядку по утрам у себя дома. Каждое упражнение надо повторять столько раз, сколько указано.

И я не сомневаюсь, что если вы начнёте заниматься зарядкой, вы полюбите её и привыкнете к ней так, как вы привыкли каждое утро мыться и чистить зубы.

*Эти упражнения будут передаваться по радио в марте.
Разучите их в своём звене.*

1. Поднимите руки вперёд и вверх (вдох) и опустите через стороны вниз (выдох). 1. Одни руки вверх, хорошо потянитесь и прогнитесь. Повторите 6—8 раз.
2. Разгибая руки, вводите их как можно больше назад, не опуская локти. Повторите 16 раз.
3. Кладите ногу на стул, не сгибая в колене. Опуская ногу, не ударяйте пяткой о пол. Проделайте 6—8 раз каждой ногой, постепенно ускоряя темп.
4. Станьте на четвереньки, медленно поднимите левую руку вперёд, в то же время разогните правую ногу (вдох), медленно станьте в исходное положение на четвереньки (выдох). Повторите упражнение 8 раз.
5. Приседая с вытягиванием ноги вперёд. Носу не ташите до пола и не сгибайте в колене. Повторите по 6 раз каждой ногой. Попробуйте не держаться за стул, руки перенесите на талию или поднимите вверх.
6. Наклоны туловища в стороны. Не сгибайте колени, не разъединяйте руки. Проделайте упражнение по 8 раз в каждую сторону попеременно.
7. Бег на месте. Бежать надо мягко, на носках. Туловище держите прямо.





В М И Р Е К Н И Г

Они живут с нами!

Вера Смирнова

В Московском доме пионеров, в маленькой комнате наверху, около читальни, за круглым столом собрались однажды вечером человек пятнадцать старших школьников — литературный кружок.

В этот вечер каждый из ребят приготовился «доложить» о своём любимом писателе. Задание было такое: попытаться так рассказать об этом писателе, чтоб всем остальным стало понятно, что это за человек, что он написал и почему оно особенно дорог рассказчику.

Друг за другом, «по кругу», вставали члены кружка и рассказывали. Один говорил о Лермонтове, с увлечением цитировал «Мцыри»; другой рассказывал то, что он слышал от людей, лично знавших Эдуарда Багрицкого; третий просто читал свои стихи, посвящённые Маяковскому; кто-то намешал всех, спугав Алексея Николаевича Толстого, нашего современника и автора «Петра I», с поэтом Алексеем Константиновичем Толстым.

Чем ближе подвигался «круг» рассказа ко мне, тем больше змурделился мой ближайший сосед — худой чёрный семиклассник — и нервно и зрелостывал какие-то бумаги. Вдруг он сказал:

— Мне скоро надо уходить: я обещал быть дома пораньше, помочь матери в одном деле. Но я хочу сказать своё. Можно мне без очереди?

Не успели мы все сказать «да», а он уже говорил горячо и взволнованно:

— Я не хочу делать доклад,



хотя я мог бы, потому что я знаю эту книгу чуть не всю наизусть. Но я просто хочу сказать... Вы не удивляйтесь, что я волнуюсь. Да, я волнуюсь... Я вот слушал ребят и волновался. Вот тут говорили: Лермонтов, Мцыри, Печорин... А вот меня Печорин не трогает, он мне чужой, он мне не товарищ. У нас война, и мы во время войны очень много думаем... Мне иногда во время войны приходилось чувствовать себя одиноким. У меня брат ушёл на войну, и отец — тоже, и много знакомых. И мне нужен был настоящий товарищ, который сказал бы мне, как быть в разных случаях.

У меня есть такой товарищ, с которым я во время войны не расставался. Во всяком случае, я никого лучше не встречал в книгах. Печориным я не хочу быть, а вот таким, как Павел Корчагин или как сам Николай Островский, — хочу! И удивляюсь: почему сейчас нет таких книг? — и, глядя на меня блестящими глазами, уже прямо в упор сказал с обидой:

— Почему у нас нет другой такой книги — о нас? О революции и гражданской войне есть, о тех людях, а дальше ниче-

го? Ну вот скажите сами: почему ничего такого для нас не пишут наши писатели? Почему не напишут такой книги о молодёжи, чтоб захотелось быть корешом и смелым? Почему не дадут нам таких товарищей, с которыми нельзя поссориться, как с ребятами в школе, которые были бы и такие, как мы, и всё-таки лучше нас?

«Докладчик» смотрел на меня с вызовом и ждал, что я отвечу. И остальные тоже смотрели на меня с укором и ждали, словно я была ответственна за весь свой «цех задорных людей, о коих не сужу, затем, что к ним принадлежу». Да, я должна была держать ответ;

— Если бы ты спросил меня об этом ещё вчера, мне было бы грустно, и я бы не знала, что отвечать. Сказала бы, наверное: да, ты прав, наша литература в долгу перед вами, перед молодёжью... Но сегодня, — и я весело оглядела весь наш дружный круг, — сегодня я могу вам сказать: есть такая книга!

Ребята зашумели:

— А мы не знаем! Как называется? Где достать?

— Она ещё не вышла, не напечатана, даже ещё не дописана, но она уже есть, и я её сегодня читала. Она называется «Молодая гвардия», написал её Александр Fadeev.

И я рассказала ребятам эпизод из романа.

Это было осенью 1944 года. Ещё шла война, и, расходясь после занятий из Дома пионеров, мы шли по улицам и прислушивались: не раздастся ли из репродуктора голос Левитана и не объявят ли о новой победе «в последний час».

В январе 1945 года первые главы «Молодой гвардии» А. Fadeeva появились в журнале «Знамя». В том же году весь роман из номера в номер

публиковала «Комсомольская правда». В 1946 году вышла книга в издательстве «Молодая гвардия», потом в Детгизе, в «Библиотеке «Огонька».

А на открытии «недели детской книги» в Москве, в в Колонном зале, где две тысячи старшеклассников стоически восторженно приветствовали появление на трибуне А. Фадеева и одной из героинь его книги, я поняла, что книга уже дошла до наших ребят и что это действительно та самая книга, которую так ждали ребята, о которой мечтали.

Книга А. Фадеева, как и книга Н. Островского, о невдуманных людях, о невдуманных событиях. Горсточка комсомольцев маленького шахтёрского городка Краснодона не захотела покориться фашистским захватчикам, не захотела предать всё то, чему училась ещё в пионерском отряде. Молодогвардейцы верили, что враги не могут одолеть Советской страны, и не хотели сдаваться, не признали себя побеждёнными. Они боролись, как могли. Они сожгли немецкий штаб и биржу труда со всеми документами, спрятали от немцев раненых советских бойцов, тайно слушали сводки Советского информбюро и рас-

пространяли их по городу в листовках, сообщали нашим войскам сведения о вражеских частях, жгли хлеб, заготовленный для отправки в Германию, и разогнали по степи преданнейший для того же колхозный скот, освободили из немецкого лагеря наших военнопленных. А 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции, развесив по городу красивые флаги, напомнили томившимся в неволе советским людям, что советская власть жива, непобедима, и разогнали в каждом советском человеке красный огонёк надежды.

Но самое главное было не в этих партизанских делах: самое дорогое и важное было в том, что их маленькое дружное и радостное товарищество, их любовь к родному краю, их верность партии, их свободолюбивая и гордая юность были в сто тысяч раз сильнее всей фашистской армии со всей её хитрой разрушительной техникой, со всем её коварством и злобой. Вооружённые до зубов фашисты боялись этих мальчиков и девочек.

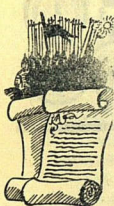
Немцы арестовали почти всех молодогвардейцев, мучили их, а замученных, убили, сбросили в глубокую шахту.

Но трудно советскому чело-

веку примириться с мыслью о том, что они погибли, немалым, нельзя забыть их героическую юность. И вот талантливый советский писатель, сам когда-то партизан, сам комсомолец в душе, силой своей любви и таланта вновь поднял их из шурфа краснодонской шахты № 5, оживил их вновь, и они прошли перед нами живые — прошли снова весь свой короткий героический жизненный путь, чтобы миллионы советских людей узнали и полюбили их: задумчивую красавицу Улю Грому, полную дерзкой отваги Любу Шевцову, гордого орлёнка Олега Кошова, худенького крепкого, как закалённая сталь, Серёжу Тюленина, и Ваню Земнухова, и других героев-краснодонцев. И, ожив снова в книге, они остались жить навсегда так, как хотел мальчик из Дома пионеров: жить с вами, как дорогие старшие ваши товарищи, чтоб вы никогда не чувствовали себя одинокими, чтоб вы всегда знали, что надо делать, как надо жить.

Книга Фадеева — высокий, красивый, достойный памятник юным героям; он сделан из самого крепкого в мире материала: горячей любви и живого человеческого слова.

Сгоревшая рукопись



В отделе редких книг Государственной библиотеки имени В. И. Ленина хранится драгоценный том — первое издание патристической воинской повести XII века «Слово о полку Игореве». Издание это замечательно тем, что вышло в свет, когда существовал ещё рукописный список повести. Список «Слова о полку Игореве» находился в распоряжении знатоков и любителей русской старины очень недолгий срок. История его такова.

В 1795 году известный в то время собиратель древностей граф Мусин-Пушкин расказал в библиотеке Ярославского монастыря рукописный сборник. Среди других любопытных произведений старинной литературы в сборнике выделялось одно, поразившее своей поэтиче-

ской силой и красотой тогдашних литераторов. «Слово о полку Игореве» пытались перелгать на современный русский язык ещё до выхода повести в печать.

В 1800 году Мусин-Пушкин издал «Слово» отдельной книжкой. А во время московского пожара 1812 года рукописный сборник и весь тираж книги погибли в огне. Уцелели лишь немногие экземпляры.

Гибель рукописи едва не сыграла роковую роль в изучении памятника. Учёные первой четверти XIX века, убедившись, что в числе драгоценных находок иной раз попадают подделки, усомнились в подлинности «Слова о полку Игореве». Возникло подозрение, что поэма написана автором более позднего времени и только «стилизованна» под XII век. Иные из учёных, неспособные отличить подлинный оригинал от фальшивого, высказали мысль, что это гениальное поэтическое произведение написал Мусин-Пушкин.

Пушкин гневно возражал тугухим хулителям «Слова о полку Игореве». Тонким чутьём поэта угадывал он подлинность, народность этого величественного памятника русской старины. «...Все наши поэты XVIII-го века,— писал он, — не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства...»

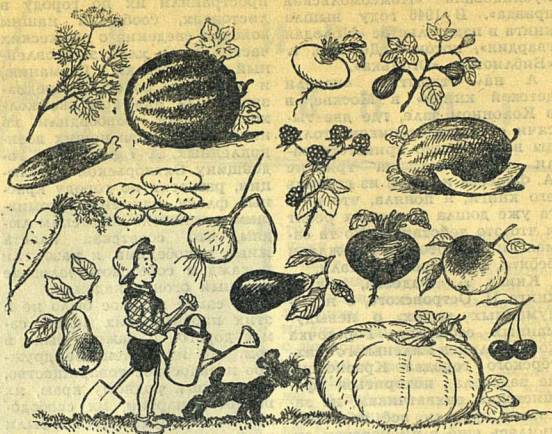
Время подтвердило правду поэта. Позднее были найдены списки «Повести о Куликовом битве», «Слова о Мамаевом побоище», «Задонщины». Авторы эти старинных произведений явно поражают гениальным создателем «Слова» и ссылаются на него. Находят эти доказывают не только существование «Слова о полку Игореве», но и то, что это произведение знали, ценили, что оно оказало огромное влияние на древнерусское словесное искусство.

Ю. Новикова

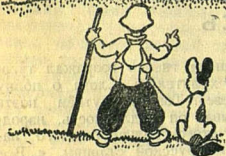
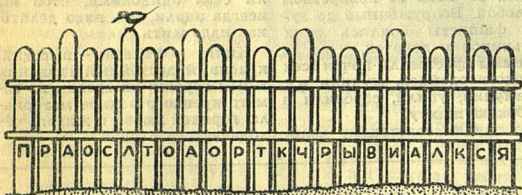
ФЕДИН ОГОРОД

В прошлом году Федя Рабов вырастил на своём участке много разных овощей, фруктов и ягод. Они здесь нарисованы. Ему это так понравилось, что в будущем году он решил, кроме растений, нарисованных на картинке, посадить не меньше двадцати новых.

Возьмите начальные и конечные буквы от названий изображённых предметов и из этих букв составьте новый список овощей, фруктов и ягод.



НЕПОЯТНАЯ НАДПИСЬ



Во время своего похода по окрестностям города Федина товарищ с изумлением остановился около забора, на котором была непонятная надпись:
Тшгтно он пытался прочесть ее.
Помогите ему, ребята!

ЗАДАЧА-ШУТКА

Попробуй положить эти двадцать монет так, чтобы на каждой стороне квадрата их лежало по пять штук.



СОДЕРЖАНИЕ

За Сталина, за наше будущее!	1	стр.
Морская соль — Николай Жданов. Рис. П. Баракова	3	»
Родная земля — Рассказы Ф. Баранова. Рис. О. Верейского	8	»
Судьба барабанщика — Стихи Н. Саконой	11	»
Советские автомобили — А. Морозов. Рис. Ф. Лемкула	12	»
Андрейш — Поэма Емилана Букова. Перевод Владимира Державина. Рис. В. Таубера	16	»
Будь готов! — А. Дорохов. Рис. В. Цельмера	20	»

Про наши дела — Окончание. Повесть Юрия Сотника. Рис. Б. Винокурова	23	стр.
На сборе дружины	32	»
Наша пятилетка	35	»
Чудесный доктор — Д. Алексеев. Рис. А. Брея	36	»
В мире книг	38	»
Задачи, загадки, головоломки — В. Константинов	40	»
Страничка садовода — В. Корчагина	3	обл.
Эстафета — Настольная игра — Л. Дуров	4	обл.

На обложке: рисунок Д. Шмаринова „Игра в снежки“.

Редколлегия: Алякринский П. А., Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В., Соловьёв А. Д.

Подписано к печати 6/III—47 года. Изд. № 187. 82×110

А-03321. 76 999 печ. вк. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж 37 500. Заказ 199.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



«Готовь телегу зимой, а сани летом», — говорит русская пословица. О своём будущем саде начинайте заботиться уже сейчас. Выберите место, где вы разобьёте свой сад весной, задержите на нём побольше снега, чтобы напоить землю весенней влагой, соберите удобрения, подготовьте инвентарь.

В марте вы можете приступить к заготовке посадочного материала — черенков чёрной смородины. Срежьте с кустов чёрной смородины однолетние деревянистые побеги и разрежьте их на черенки в 20—25 сантиметров. Свяжите черенки в пучки и прикопайте их в снег где-нибудь на участке в сухом тенистом месте, где не застаивается вода и весной долго не тает снег. Чтобы черенки не тронулись в рост раньше времени, весной подсыпьте снегу на черенки и сверху закройте соломой или опилками, чтобы снег подольше не растаял. Прикапывать черенки нужно так, чтобы слой снега над ними был не меньше 80—100 сантиметров.

Высаживать черенки нужно ранней весной, до того как начнут распускаться почки. Поэтому, как только тает снег, приступайте к работе: глубоко вскопайте и удобрите участок, на котором будете высаживать черенки.

Лучше всего сажать черенки двух-, трёх- и четырёхстрочными рядами-лентами. Расстояние между строчками и между черенками — 20 сантиметров, лента от

ленты должна отстоять на 80 сантиметров.

Наметьте при помощи шнура строчки-рядки и приступайте к посадке. Углубление для черенка сделайте заострённым колышком. Черенки нужно сажать глубоко, так, чтобы над землёй видны были только две почки и не прямо, а наклонно под углом в 45°.

После посадки полейте черенки водой и засыпьте тонким слоем перегноя. Это предохранит черенки от горячих солнечных лучей, они не будут сохнуть.

Когда черенки приживутся и на них зазеленеют первые листочки, надо разрыхлить почву и, чтобы она не пересыхала, закрыть междурядья перегноем, торфом, опилками или соломой.

Если вы будете аккуратно поливать черенки, подкормите их жидким удобрением и три—четыре раза за лето разрыхлите почву, черенки разовьются и вырастут. Осенью вы сможете их пересадить на постоянное место в вашем саду. Незаметно пролетят ещё два лета, и на третьем году вы соберёте свой первый урожай.



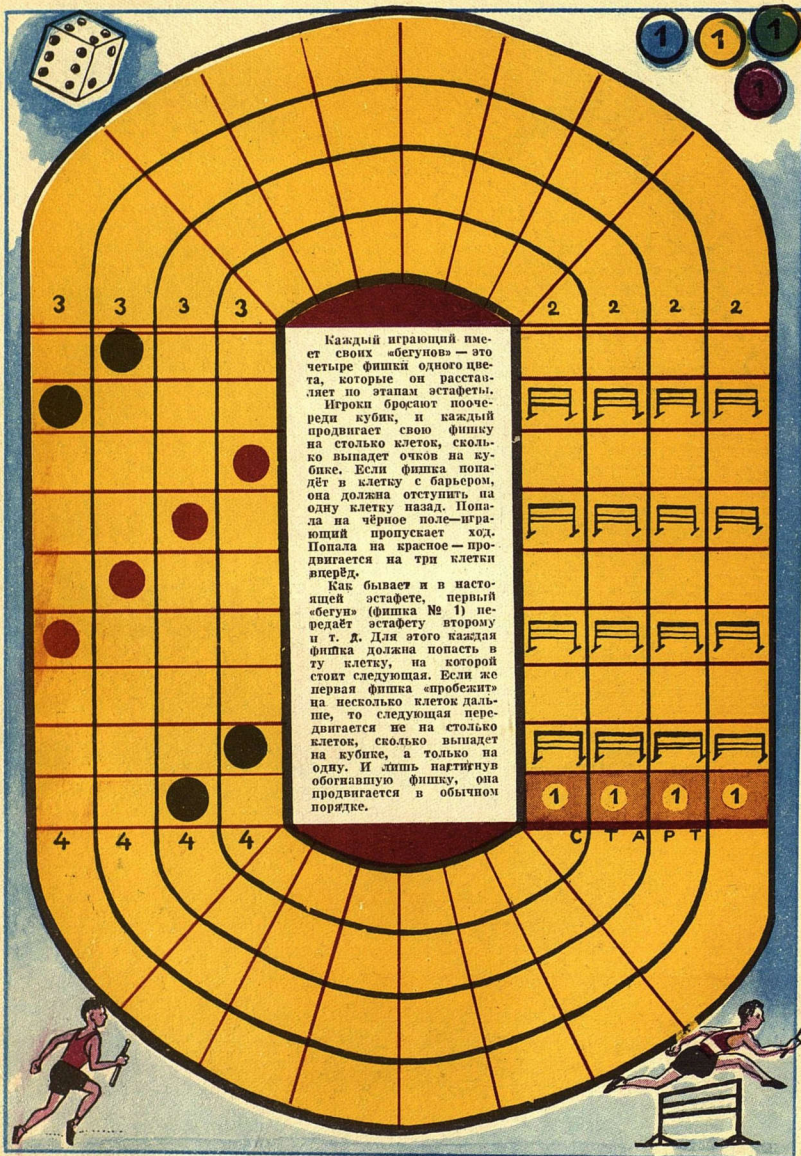
В. КОРЧАГИНА,

заведующая лабораторией садоводства и штеповодства Центральной станции юннатов



Э С Т А Ф Е Т А

Настольная игра



Каждый играющий имеет своих «бегунов» — это четыре фишки одного цвета, которые он расставляет по этапам эстафеты. Игроки бросают поочередно кубик, и каждый продвигает свою фишку на столько клеток, сколько выпадет очков на кубике. Если фишка попадет в клетку с барьером, она должна отступить на одну клетку назад. Попадала на черное поле — играющий пропускает ход. Попадала на красное — продвигается на три клетки вперед.

Как бывает и в настоящей эстафете, в настольной эстафете первый «бегун» (фишка № 1) передает эстафету второму и т. д. Для этого каждая фишка должна попасть в ту клетку, на которой стоит следующая. Если же первая фишка «пробежит» на несколько клеток дальше, то следующая передвигается не на столько клеток, сколько выпадет на кубике, а только на одну. И лишь настигнув обогнавшую фишку, она продвигается в обычном порядке.

